Другие миры
Галина Гончарова
Крест и крыло

Галина Дмитриевна Гончарова

Крест и крыло

Серия «Другие миры (АСТ)»

Серия «Юля Леоверенская», книга 6

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69135349
Вампиры: Крест и крыло : роман / Галина Гончарова: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-154815-5

Аннотация

Визит родственников не к добру. Интерес спецслужб – тоже. А уж если говорить про интерес одного древнего и мудрого существа… Любопытство? Или последний шанс, которым и оказалась Юля с ее способностями? Тот случай, когда просят добром, пока не взяли силой.

Но ведь и силой взять пытаются. И Юлю просто похищают, чтобы получить от нее детей с удивительными способностями. Впрочем, унывать девушка не намерена. Главное – не сдаваться, а помощь обязательно придет. Ибо жизнь помогает тем, кто рук не покладает. И драконы… при чем тут драконы?

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 110
Глава 3 192
Конец ознакомительного фрагмента. 201

Галина Гончарова
Крест и крыло

© Галина Гончарова, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023
Разработка серийного оформления Евгения Антофия
Иллюстрация на обложке Бориса Аджиева

* * *

Глава 1
– К нам едет… – Ревизор? – Хуже. Родственник

– Юля, к нам едет…

– Нет!!! – взвилась я.

Ничего хорошего от этих слов я не ждала. Такое ощущение, что в наш город вообще никто нормальный не едет. А если едет, то не к добру. От всех приезжих, начиная с Мечислава, у меня одни проблемы.

– Ты чего так взъерошилась? – искренне удивился дед. – Вроде у тебя от Тамарки несварения не было?

– Теть Тома?

Я поглядела на маму. Та подтвердила информацию кивком головы.

– Ага. Моя старшая сестра. Твоя крестная, между прочим.

– Заняться вам в свое время было нечем – ребенка крестили, – привычно заворчал дед.

– Вот именно, – поддержала я.

Мать подмигнула мне.

– Все претензии будешь высказывать после смерти.

– А если там ничего нет?

– Тогда от крещения тебе не будет ни вреда, ни пользы.

– От него и так никакой пользы.

– Неправда. Если там все-таки водится хоть что-то из Библии – считай, что ты получила загробную страховку. Как Костя свой лимузин застраховал…

Да уж. Одна из немногих дедушкиных страстей – это страсть к большим и дорогим (пропорционально размерам) машинам. И скоростным – тоже. Хотя больше одной машины он никогда не заводил. Он покупал их, ездил какое-то время, потом машина ему надоедала, он продавал ее и заводил новую.

В советские времена это были все модификации «Жигулей». Теперь же…

Последней его игрушкой стал «Порш кайен». Мать не возражала. Я – тоже. Но сама пока водить машину не хотела.

Права у меня были. С семнадцати лет. Не было внимательности необходимой на дороге. А без нее я наверняка буду попадать в аварии. И вообще, на наших дорогах и без меня дураков хватает. Да и город у нас, хоть и областной центр, а не такой большой.

– Юля, вынырни из нирваны, – дед шутливо потянул меня за кончик носа.

Милый семейный ужин, фарфоровый сервиз на белоснежной скатерти, блеск серебра, прозрачность хрусталя…

Мама у меня обожает красиво сервировать стол. Я в этом отношении лентяйка. И предпочитаю обходиться клеенкой на столе. А салфетки можно взять и бумажные. И нашими вилками из нержавки кушать ничуть не хуже, чем серебром.

Но раз маме нравится – пусть тоже играет в свои игрушки.

– Я не в нирване, я в астрале. Когда теть Тома приезжает?

– А тебе в астрале не сообщили?

– Через две недели? – рискнула угадать я.

Дед фыркнул.

– Три дня. И она – здесь. На целых десять дней. То есть – они.

Упс. Она? Или таки – они?!

– ОНИ?! Дед, ты пошутил?

– Нет. Тома, Вася и Лёля с Лешей.

Я закатила глаза.

Уж лучше бы это была еще одна Дося Блистающая. Ее можно было бы прибить сразу.

– Дед, нет! – возмутилась я.

– Что значит – нет? Юлька, раз они приезжают, мы их не погоним, – взмахнула рукой мама.

– А может, стоит? Метлу я куплю, для хорошего дела не жалко?

– Для такого хорошего дела и я… куплю снегоуборочный комбайн? – присоединился дед.

Мама шлепнула рукой по столу.

– Как вам обоим не стыдно?! Костя, мы с тобой – не бессмертные. И когда нас не будет – на кого сможет положиться Юля?

Мы с дедом переглянулись. Спорить готова, в этот миг он явственно представил себе Мечислава. Вполне устойчивого,

частично бессмертного и всегда готового. Положить меня, ага…

– Это – единственные ее родные души в целом свете! Кого Юля еще сможет позвать на помощь, если что?

– Ага, обпомогались всем кагалом, – огрызнулась я. – Без этих захребетников лучше, чем с ними. Что ты до сих пор им помогаешь, чем можешь, что я – буду? А я НЕ буду! И все тут! И даже не рассчитывай!

– Это – твои родные и близкие люди!

– Спасибочки, без них проблем хватает!

– Юля!

Когда мама начинает возмущаться, я все-таки придерживаю язык. С матерью мне повезло, вывести ее из себя обычно не могу даже я. Но иногда ей попадает шлея под хвост… и приезд любимой сестрицы с компанией относится именно к таким случаям.

Увы.

Мы еще раз переглянулись с дедом.

Я опустила глазки книзу.

– Ладно, мам. Если они тебе так нужны – пожалуйста.

– Сразу бы так. Ты же понимаешь, нам давно пора помириться. И еще… Леля поживет у тебя.

– НЕТ!!!

Вот тут я взвилась. Только двоюродной сестрицы мне для полного счастья не хватало… в одной квартире с Шарлем, ага.

– На это я не соглашусь, хоть ты меня за ноги вешай!

– Юля, у тебя две комнаты.

Про Шарля я ей так и не рассказала.

– И что?

– Леля поспит на диване в гостиной. А ты будешь в спальне. Вам, девочкам, так будет лучше. У нас-то всего четыре комнаты. И Костин кабинет не предназначен для проживания.

Спихнув меня в отдельную квартиру, предки развернулись. Переделали мою комнату под кабинет. Бывший кабинет переделали под мамину мастерскую – я еще не упоминала, что она у меня прекрасно шьет и вяжет? И теперь все иголки и нитки собрались в одном месте, к моему большому облегчению. Раньше был шанс сесть на клубок со спицами или наступить на нитку с иголкой. А теперь – нет. Все в одном месте. И у них образовались гостиная, спальня, кабинет и комната для рукоделия. Ее-то теоретически и можно было приспособить для родственников.

Предупреждая вопросы, восьмикомнатную квартиру в «элитном» доме дед покупать не хотел. Смеялся, что он в ней мать не найдет…

– Мам, а у меня вообще-то и своя жизнь есть, а?

– Да неужели? И как же зовут героя?

Если мама начала язвить – это плохой признак. Но выбора у меня все равно не было. Рано или поздно пришлось бы признаваться. То, что мы протянули два месяца – уже чудо.

– Александр.

– Саша?

– Алекс.

Мама явно заинтересовалась.

– И как у вас? Все серьезно?

Я пожала плечами. С одной стороны – куда уж серьезнее? Кровью повязаны. Жизни друг другу спасли. Правда, я Шарлю больше обязана, но доказать это дракону пока не удается. И оторвать его от меня в ближайшие лет пятьдесят тоже не удастся. Поэтому я кивнула.

– Все более чем серьезно.

Дед сдвинул брови. Подробностей про Шарля он не знал. И судя по взгляду – меня ждал допрос с пристрастием. Свет в лицо и весь швейный набор под ногти.

– Тогда приводи мальчика сюда, познакомимся, – просто сказала мама. – Или сразу с его родителями?

Я замялась.

– Мам… он сирота. И лучше эту тему не затрагивать.

– Почему?

Ну да. Просто так родное чадо мы никому не доверим. Анкету в трех экземплярах на стол – и все отделение полиции на уши. Проверять будем.

– У него отца убили. Когда и у меня, только чуть позже, – соврала я, опуская глаза. – Мать потом сама с тоски умерла. А его отдали в детдом.

– Юля!

Вопль означал: «Неужели никого получше не нашлось?!»

Но отступать я не собиралась.

– Алекс вам понравится. Кстати, поэтому и Алекс. Саш в детдоме было много.

Мама кивнула. А дед вдруг фыркнул.

– Что ж, парень, похоже, прошел хорошую школу жизни?

Знал бы ты, насколько. То есть саму жизнь Шарль знает не очень хорошо. Но вот его характер… кто бы не сломался на его месте? На себя я бы не поставила. А Шарль – он молодчина, если бы его отец был жив, он гордился бы своим сыном. Я в этом уверена!

– Очень хорошую. Он умница. И замечательный человек. Не злой, не подлый…

– А он тебя любит?

Мама смотрела серьезно и испытующе. Но я могла ответить честно.

– Да. Очень.

Только как сестренку. Это я видела. И в глазах дракона, когда он глядел на меня, и в его ауре, да и вообще, некоторые вещи не скроешь. Шарль словно принял, что вместо брата-предателя небо подарило ему сестру. С кучей проблем, забот, неприятностей, но предать я дракошу никогда не смогу. Или просто умру. В буквальном смысле. Клятва крови вольностей не допускает. Так-то.

– Ладно. Когда ты приведешь его познакомиться?

– А когда к нам едут эти ры-ры-ррродственнички?

– Юля! Я же тебе сказала! Через три дня они будут здесь! И не притворяйся, что меня не слышала!

Я подняла брови.

– А через пару недель или вообще лет они приехать не могут?

– А через три дня к нам привозят мощи святого Пантелеймона.

– И что?

– На неделю. Тома хочет пожить у нас эти десять дней, будет ходить к мощам причащаться или что-то такое…

– Чтобы благодати побольше влезло?

– Юля!

– Что – Юля? А свою семейку она тоже туда таскать будет?

– Безусловно. Она надеется, что Васечка пить перестанет…

– И зачем для этого дела мощи? Давно бы ему сковородкой курс лечения прописала.

Учитывая, что масса тети была в два раза больше массы дяди, мой вопрос был вполне логичен. А мама опять возмутилась:

– Юлька, ну в кого ты такая противная?

– Звиняйте, чем удобряли, то и проросло.

– Ремнем тебя надо было удобрять, – подколол дед. – Хочешь, попробуем?

– Не хочу. И этих идиотиков не хочу. Давайте уедем на это время?

Мама сверкнула глазами.

– Мы. Никуда. Не. Уедем. Более. Того. Мы. Тоже. Сходим. К. Мощам. Ясно?

– Нет!

– Нет!!!

Вот тут мы с дедом были единодушны.

– Аля, у меня работа. Я не стану тратить время на всякую чушь.

– Костя!

Но дед тоже закусил удила.

– Хочешь – иди одна. А лучше вообще не майся дурью. Если тебя тянет поглядеть на старые скелеты – дойди до анатомического музея. Там некоторые экспонаты старше меня. Но лучше всего – пусть Томка идет одна. А ты скажи, что я запретил. Ясно?

– Но ты же никогда и ничего мне не запретишь, – улыбнулась мама.

И я вдруг остро позавидовала. Настолько спокойным было ее лицо, настолько лучились теплом ее глаза…

Она нашла своего любимого и единственного. И была за ним – как за каменной стеной. Даже не так. Дед оказался ей поддержкой, опорой, любовью, другом – да всем сразу! А кто будет чем-то подобным для меня?

Мечислав?

Я мысленно поморщилась. Пусть вампир и стал вести себя чуть более по-человечески, но этого совершенно недоста-

точно. Смогу ли я когда-нибудь доверять ему? Полагаться на него? Показать ему свою слабость?

Вряд ли.

Жизнь с ним – это всегда балансирование на канате и прыжок через огненный круг. Как тигра в цирке. Было, есть, будет… И кому какая разница, что иногда мне хочется выть и плакать?

Хорошо, что теперь у меня есть Шарль. Есть хоть у кого на плече поплакать.

– А надо бы, – проворчал дед.

Я вынырнула из омута сожалений и улыбнулась.

– Дед, а мне ты запретить можешь?

– Могу! И запрещаю! – Дед важно поднял указательный палец. – Значит, так! Если ты пойдешь к этим мощам, на карманные деньги можешь не рассчитывать. Живи на стипуху.

Я скорчила расстроенную гримаску и повернулась к маме.

– Мам, видишь, это никак низзя. Я на стипуху не проживу. Даже если перестану кушать вообще. Ее даже на оплату квартиры не хватит.

Мама в ответ показала мне язык.

– Учиться надо лучше – и будет хватать.

– Мам, повышенная спипуха у нас – две тысячи, – завелась я. – А за квартиру мне принесли как раз две двести! А хорошо бы еще что-то кушать, одеваться и ездить на автобусе!

Мама взмахнула рукой, отметая все возражения.

– Ладно. Не будем отвлекаться. К мощам ты не пойдешь. Я поняла. Когда ждать тебя и твоего Алекса?

Я подумала пару минут.

– Послезавтра.

– Хорошо.

Мы переглянулись с дедом. И перевели разговор на другую тему.

После ужина предок отловил меня в коридоре.

– Что я должен знать?

Я задумалась. Учитывая, что я деду вообще не говорила про Шарля…

– А ты не хочешь ко мне зайти? Сегодня попозже или завтра…

Дед кивнул. И я удрала в гостиную. Мы посмотрели какую-то старую комедию, еще немного поболтали – и я пошла домой. Через чердак, как обычно.

* * *

Шарль сидел дома за компьютером. Услышав меня, он встал и кивнул на кресло.

– Будешь висеть в паутине?

– Нет. Лучше ты виси, а я тебя порисую, – предложила я.

Дракон тряхнул отросшей золотистой гривой. Да-да, уже золотистой. Мы (Я, Мечислав и сам Шарль) решили, что лучше всего светлые тона, а не рыжие. Вампир предоставил нам

своего парикмахера – милую лисичку по имени Лариса, которая стационарно окрасила Шарлю брови и ресницы, а с волосами провозилась часа два, сделала мелирование разными цветами – и теперь Шарль мог похвастать неопределенно-русыми волосами. Часть прядей светлее, часть темнее, на улице таких голов – несчетное число. Только девушки с таким цветом волос обычно красятся в суперблондов.

Общий вид дополнили голубые контактные линзы – и дракон вполне мог ходить по улицам. Документы Мечислав ему сделал. Одежды хватало, денег тоже.

И Шарль старался привыкнуть к современному миру.

Гулял по городу, пару раз сходил в кино, забегал ко мне в институт, толкался на рынке, катался в автобусах, сидел в барах…

Месяца хватило с лихвой. И дракон полностью слился с городом. Парень – и парень. Из деревни или городской… да какая разница? Важно то, что никто не тыкал в него пальцами, не крутил пальцем у виска и не орал: «Нечистая!!!»

А больше и не требовалось.

Оставшееся время дракон использовал, чтобы посидеть в интернете и початиться. Благодаря мне он освоил прорву всего интересного. А потом и расширил знания. И расширял до сих пор. Сейчас, насколько я поняла, он с кем-то сцепился на форуме для особо религиозных. Со стороны на него смотреть было одно удовольствие. Глаза горят, щеки раскраснелись, пальцы порхают над клавиатурой…

Карандаш словно сам прыгнул в руку.

Последнее время я физически не могла прожить и дня без рисования. Я рисовала в блокнотах, на листах, в тетрадях и на партах. Портреты и шаржи моего изготовления ходили по институту стадами. Даже не стаями. А декан посматривал с жадным интересом. Есть такое слово – стенгазета…

На первый рисунок у меня ушло минут двадцать. На второй – полчаса. Я положила рядом свои творения и сравнила. На первом был Шарль в облике человека. Парень – и парень. Только почему-то в кольчуге и шлеме. Одна рука опирается на здоровущий меч в ножнах, во второй свисает булава, лицо сосредоточенное и задумчивое… Воин. Усталый, но все равно готовый к новой схватке. Пусть – смертельной. Пусть из нее не удастся выйти живым. Но побежденным он себя никогда не признает.

Вторая картинка изображала дракона.

Но уже не ту несчастную зверюгу, скованную цепями. Нет.

Сейчас карандаш, словно сам по себе, изображал дракона – израненного. Усталого. Опустившего крылья. И вообще, будь я ветеринаром, сказала бы, что зверушку лечить надо.

За прошедшее время мы многое сделали. Часть проклятья с Шарля спала еще тогда, над телом Доси. Бешеное усилие, когда он удерживал и меня и Мечислава, не прошло даром. Часть мечей исчезла. Еще два вытащила я, за последний месяц. Хотя давалось мне это безумно тяжело. Тошнило, мутило, кружилась голова, текла кровь из носа…

Никогда не думала, что могу настолько истощить свои силы. Но жизнь наращивала темпы.

Мечислав не оставлял меня в покое. Мы виделись с ним раз в два-три дня. И делились силой. К чести вампира, приставать он ко мне не пытался, переведя наши отношения в рабочую плоскость.

Параллельно мы работали с Питером, пытаясь создать амулеты для оборотних. Итогом стали амулеты, силы которых хватало на месяц. Потом – начинай сначала. Эти более-менее удачные версии разобрали две тигрицы и лисичка, как раз находящиеся в «деликатном» положении. Медведи пока не проявлялись.

ИПФовцы звонили пару раз, но сильно не доставали. Я к ним в гости тоже не напрашивалась. Без них было тяжело. Плюс еще учеба. Я приходила домой, падала – и засыпала как убитая. Просыпалась ближе к полуночи, ездила к вампирам, учила материал, чтобы не откладывать все до сессии, ездила на тренировки к оборотням, училась владеть оружием… на последнем железно настоял Мечислав. Так что я отрабатывала приемы боя с ножом и стреляла из пистолета. Ни то ни другое по-человечески не получалось.

Телефон дзынькнул над ухом.

– Да?

– Привет, Юленька. Как ты себя чувствуешь?

Мечислав был в своем репертуаре. Вроде бы ничего такого и не сказал, а по коже стадами бегут мурашки. И думается…

ой, не на ту тему, на которую надо! Ему бы с таким голосом в сексе по телефону подрабатывать! Два слова – и клиент счастлив! Только вот телефон оборвут…

– Шикарно, – отозвалась я. – Лучше всех живых и дохлых. Ко мне тетка едет.

Мечислав немного помолчал. И вкрадчиво предложил:

– Одно твое слово – и она никуда не доедет.

– Нет уж. Мне мать этого не простит.

– Но ты учти, мое предложение остается в силе.

– Учла. Что надо?

– Даже мысли не допускаешь, что я могу просто позвонить, поболтать?

– Ты? Скорее свиньи розами обрастут! Так что надо?

– Хотелось бы тебя видеть. Завтра. Ты сможешь приехать?

– Запишу в ежедневник, – буркнула я. И вдруг, поддавшись импульсу, предложила: – А хочешь – сам приезжай.

– Хочу. Но не могу. Ты же мне не разрешала, – справедливо заметил Мечислав.

Я скорчила рожицу. Ну да. Вампиры могут войти в дом только по приглашению. Мечислав мог бы обойти этот вопрос. Попросить Вадима, Бориса, Валентина… да кого угодно из моих друзей – и прийти по их приглашению. Но старался не злить меня еще больше.

– Разрешу.

– Завтра?

– Завтра.

– Хорошо, пушистик. Завтра вечером я буду у тебя.

– До свидания, – я нажала на кнопку отбоя. И подумала, что вампир стал себя вести подозрительно по-человечески. Раньше замучил бы своим сексом! Намеками, предложениями… А сейчас – ну просто воспитанник воскресной школы.

Но не успела я как следует уйти в себя, как раздался звонок в дверь. И Шарль отправился открывать.

Чтобы спустя секунду вернуться ко мне.

– Юля, там твой дед.

Я вздохнула, выбираясь из кресла. Фиг мне, а не отдых.

– Так открой дверь.

Шарль с сомнением поглядел на меня. Но пошел открывать.

Дед особо не церемонился. Прошел в коридор, огляделся – и протянул Шарлю руку.

– Леоверенский. Константин Савельевич.

– Милославский. Александр Данилович, – после секундной заминки представился Шарль. Я улыбнулась. Хорошо хоть дракоша запомнил, как его зовут. – Можно – Алекс.

– Ага. Юлька, ты где?!

Я высунула нос в коридор.

– Чай пить будем – или в гостиную?

– Какой чай в двенадцать ночи?! – возмутился дед. – Пошли, поговорим.

Я нырнула обратно и заняла кресло. Дед – диван. Шарлю достался компьютерный табурет.

Все разглядывали друг друга. То есть дед и Шарль – друг друга. А я – их обоих. И пыталась угадать, о чем они думают. Тщетно. Оба были профессионалами.

Молчание затягивалось. И первой не выдержала я.

– Ну что, будем лечить больного – или пускай живет?

Мужчины повернулись ко мне.

– Мечислав знает? – задал вопрос дед.

– Абсолютно, – ответил вместо меня Шарль.

– И не возражает?

– Нет. Юля мне как сестра.

Дед поднял бровь, предлагая объяснить подробнее. Дракоша вздохнул. И начал свой рассказ. С того момента, как Альфонсо да Силва приехал в город. Дед слушал не перебивая. Спокойно и сосредоточенно. А когда Шарль закончил, медленно кивнул.

– Что ж. Ошарашили вы меня.

– Я не хотела, – я опустила глаза. – Просто… дед, это было сильнее меня. Этот Альфонсо – он был хуже эсэсовца!

– Да я не о том, – отмахнулся дед. – Парня вытащила – хорошо. Одной сволочью на земле меньше – еще лучше. Но вот что теперь делать с вашим побратимством?

Вопрос был весьма актуален. Дед молчал еще минут пять, а потом решительно поднялся на ноги.

– Значит так. Я – домой. На ночь глядя такие вещи не решают. Обдумаю – станет ясно, что делать. Матери пока ни слова. Лелю к тебе, конечно, не поселим. Да, задали вы мне

задачку…

Я вздохнула.

Задали. Не корысти ради, а токмо волею, но от этого ж не легче?

– Дверь за мной закрой, – выдернул меня в реальность дед. И вышел в коридор. Я пошла провожать его.

– Сердишься?

– Нет. Недоумеваю.

– Дед, прости меня, пожалуйста…

– За что тебя прощать?

– Я не хотела вас огорчать…

– Ты и не огорчила. Но вот с Мечиславом мне поговорить надо. Факт.

Я кивнула.

– Телефон…

– Да есть у меня его номер. Как-никак партнеры. Ладно. Не переживай. Утро вечера мудренее.

Дед взъерошил мне волосы – и хлопнул дверью. Шарль робко выглянул в коридор.

– У нас проблемы, сестренка?

Я покачала головой.

– Нет. Мы идем спать. А завтра – будет видно.

Я послала Шарлю теплую улыбку – и направилась в ванную. Умываться, чистить зубы, переодеваться… хочу спать! Вообще в последнее время я сплю как убитая. У Шарля кошмары случаются с незавидной периодичностью – раз в три

дня. А у меня уже недели три как ничего. Надо радоваться.

* * *

Набранный номер. И две женщины на проводе. С одной стороны – вампир. С другой – оборотень. Два женских голоса звучат хрустальными колокольчиками.

– Госпожа, целую землю у ваших ног…

– Это – при встрече. Что ты хотела мне сказать, слуга?

– В городе все тихо. Мечислав успокоился. Мне кажется, самое время…

– Согласна.

Женщина тихо рассмеялась, и оборотниха передернулась. Смех вампирши был похож на высыпанное за шиворот ведро мороженых гвоздей.

– Я дам тебе телефон одного… существа.

– Госпожа?

– Не перебивай меня, тварь! Или я напомню тебе твое место!

Теперь в голосе женщины звенит гнев. И ее собеседница дрожит. Невзирая на расстояния, вампирша может устроить много разнообразных и весьма болезненных неприятностей. Оборотниха знает это на своей шкуре. Уже несколько лет. И она боится. Как боятся вызванного демона.

– Ты закажешь ему Леоверенскую. Заплатишь, сколько он скажет. Если потребует чью-то жизнь, советую от-

дать. Иначе он заберет твою. И будешь ждать выполнения заказа. Ясно?

– Да. Госпожа, но…

– Что?!

– Если убить Леоверенскую, у нас не останется ни единого шанса на появление детей.

– Ты думаешь, меня волнуют ваши щенки? Меня волнует Мечислав. Он должен умереть. И эта маленькая дрянь – тоже. Остальное меня не интересует. Ты поняла?

В голосе вампирши звучит зимний холод. И оборотниха сжимается. Ей страшно.

– Д-да, госпожа…

– Отлично. Пиши номер. Его зовут Палач.

– Так и…

– Да. Так к нему и обращайся. Поняла?

– Да, госпожа. Я все исполню, как вы сказали.

– То-то же. Исполняй.

* * *

Радоваться я поспешила. Кошмар приснился и мне. Сглазила.

Это был даже не кошмар, а что-то другое. Но проснулась я все равно с криком. А дело было так.

Я уснула. А закрыв глаза, обнаружила себя на морском берегу. Приятный сон. Ничего страшного. Галечный пляж,

ветер треплет волосы, волны накатывают на берег, кричат чайки и вдалеке виднеется белый парус… Не хватает только Айвазовского.

Сзади послышались шаги. Я повернулась – и не удержалась от сдавленного крика… Стона?

Рядом со мной стоял Даниэль.

Такой же, как и раньше. Спокойный. Живой. Улыбающийся. В серой рубашке и черных широких брюках. Каштановые волосы стянуты в хвост. Серые глаза искрятся теплом и добротой.

– Здравствуй, любимая.

Он протянул руки – и я бросилась к нему на шею.

Несколько минут мы молчали. А потом я разрыдалась. Не выдержала.

– Ты живой! Живой! Господи, я чуть с ума не сошла, я…

Даниэль остановил меня, проведя ладонью по волосам.

– Не надо, малыш. Я действительно умер.

– Умер? Но ты здесь, ты рядом…

Даниэль вздохнул – и вдруг легко подхватил меня на руки, прошел пару шагов – и опустился на большой камень, словно специально приготовленный для нас.

Я спрятала голову у него на груди. Было так хорошо. Уютно, спокойно, тихо, и, оттеняя тишину, слегка шумело море. Ничего более значения не имело. Я была здесь. И здесь был мой мужчина…

– Нет, Юля.

– Почему нет?

Я даже не сразу поняла, что Даниэль отвечает на невысказанное. А когда поняла – посмотрела ему прямо в глаза. И Даниэль опустил ресницы.

– Я должен перед тобой покаяться. И многое рассказать. А времени мало. Очень мало. Мне скоро надо будет уходить.

– А не…

Вампир приложил палец к моим губам, перебивая беспомощное вяканье.

– Я не могу остаться. Пожалуйста, выслушай меня. И не перебивай. Хорошо?

Я тоже чуть опустила ресницы, показывая свое согласие. Вампир тряхнул волосами.

– Я виноват перед тобой. Очень виноват. Ты помогла мне бескорыстно. А я – я пытался откупиться тобой от Мечислава.

– Знаю.

– Он рассказал?

– Догадалась.

– Ты всегда была умницей. Но это не вся правда. Я действительно сначала хотел просто отдать тебя. Но потом… после того, как ты заступалась за свою подругу, дерзила Андрэ, расправилась с Владом… Я сидел тогда в машине, смотрел на твое лицо – и ощущал себя полной скотиной. И идиотом. Потому что понял – я тебя полюбил. Нет, не влюбился. Полюбил. Мечислав наверняка рассказал тебе, что у меня было

много женщин.

Я пожала плечами. Это было неважно.

– Это правда. И я влюблялся. Но любил только двоих. Тебя и Марию. Марию отняли у меня. А меня – у тебя. Жестокие весы судьбы. Я могу только сказать тебе, что любил. Искренне. Ты, должно быть, думала, *что* я оставил тебе?

– Твой дар?

– Да. Это было все, что у меня есть. И я решил попробовать. Отдать хоть что-то любимой женщине. А оказалось, что это – и есть мое искупление.

– За что?

– Я много натворил в этой жизни. Был слабым. Трусливым. Подлым.

– Не верю.

– Ты меня до сих пор любишь?

Я задумалась. На миг. Потом пожала плечами.

– Не знаю. Любила. И если бы ты остался рядом – никогда бы не ушла. Но ты ушел. А мне надо было жить дальше.

– Да. И я горжусь тобой.

– Ты не обижаешься?

Даниэль весело рассмеялся.

– Юля! На что?! На то, что ты живой человек? Ты и должна жить! Долго. Иногда счастливо, иногда – не очень. Но – живи. Ради меня. Я не могу рассказать тебе всего. Ты узнаешь о многом, когда уйдешь. Но если вкратце… самая страшная жертва, которую может принести человек – это он

сам. А я отдал тебе то, что было больше меня. Мой талант. Без которого не мыслил ни жизни, ни смерти. И это оказалось достаточной платой за все мои подлости и глупости.

– И твою плату – приняли.

– Да. Но получилось грустно. Отдав тебе свой талант – я не смог умереть. Я хотел добра. А вышло… вышло, как в политике. Оказалось, что я – это просто приложение к своему таланту. И я попал в ловушку. Я был просто прикован к тебе. Отсюда и твои сны обо мне.

Я вспомнила кошмары, после которых просыпалась в поту и с диким криком…

– И ты никак не мог дать знать…

– Нет.

– Почему ты пришел именно сейчас?

Даниэль пожал плечами.

– Потому что теперь можно.

– Раньше было нельзя?

– Нельзя. Моя искра была для тебя чужой. Как и мой дар. А теперь это уже твое мастерство. Не подаренное. Наоборот, талант – это как свеча, горящая в душе художника и освещающая для него мир. Раньше я горел для тебя. А теперь ты сама сможешь так. И даже еще лучше. Твой дар тоже проснулся, теперь ты сияешь, а моя свеча почти потухла. Когда я уйду – она уйдет со мной. Эту меру таланта я могу вынести. А ты – ты будешь нести свою ношу. Свою искру…

Я хлопала глазами, как сова. В голове просто не уклады-

валось. А язык, независимо от меня, ляпнул первое попавшееся:

– Надеюсь, я не стану авангардисткой?

Даниэль чуть улыбнулся.

– Никогда не понимал этих людей. Художник должен показать людям красоту мира. А они показывают, как они ее видят. Может, это и хорошо, только не для всех. А настоящая красота, красота безусловная – это не китч, не надрыв, не авангард и не арьергард. Это когда висит на стене простой рисунок – вроде бы и есть-то пять линий, и те карандашные, и кое-как растушеваны, а все же глаз не оторвешь. Профессор пройдет – заглядится, нищий – залюбуется. Или портрет. Ни красивой одежды, ни богатого убранства, одно лицо, а только смотришь – и все-все об этом человеке понимаешь. До последней мысли, до последнего вздоха. И в песне так, и в музыке… да везде! Красота – она не всегда сложная. Наоборот… Не станешь ты авангардистом. А вот гореть будешь. Хоть и проклянешь меня за это сто раз.

– Никогда! Если бы ты знал, как я тосковала, как мне было плохо без тебя…

– Связь с умершим человеком ни для кого еще легкой не была. Я тоже пытался докричаться до тебя – и не мог.

– Почему?

– Ты еще не принимала себя.

– А сейчас приняла?

– Раньше для тебя существовали два мира. И ты разрыва-

лась между обоими. А теперь они начали сливаться. И я смог прийти. Твой огонек зажегся – и я могу уйти.

Я сжала виски ладонями. Я ничего не могла понять. Но разве это важно? Любимый человек рядом со мной. И можно сказать так много…

– Я пришел попрощаться.

Слово упало ножом гильотины. Воздух застрял в груди колючим шариком.

– По… проща… ть… ся?

Нет! Не отпущу!!!

Но Даниэль только покачал головой.

– Я ведь мертв. Я обязательно вернусь на землю, но мы с тобой больше не встретимся. Никогда.

Я всхлипнула. Но вампир был неумолим.

– Прими это как данность. Я – умер. Ты жива. И должна жить. Ради меня. Ради того огонька, который зажегся в твоей душе. Ты еще будешь счастлива. А меня… я не стану просить, чтобы ты меня забыла. Я слишком эгоистичен. Зато я попрошу о другом.

– О чем?

– Я попрошу тебя не сердиться на Славку. Он действительно не мог помочь тогда.

– Я знаю. Он не виновен в твоей смерти.

– Ты умница, Юля. Как ты думаешь, если бы мы встретились раньше…

– Если бы ты не умер…

– Я тебя все равно люблю. Я ухожу, но буду тебя помнить. И ты будешь помнить меня. Но жить другой жизнью. И это правильно. Не казни себя. Довольно.

Я всхлипнула. Потерлась щекой о скользкую ткань рубашки. И на миг ощутила биение его сердца. Такого… живого…

– Почему – так?!

– Так правильно. А теперь – отпусти меня. Пожалуйста.

Я могла бы сказать многое. И что не отпущу. И не хочу. И мне будет плохо. И…

Могла бы. Только не стану. Никогда.

Я поднялась с его колен и встала во весь рост. Наклонилась – и на миг прижалась губами к его губам. Сладко закружилась голова. Даниэль ласково погладил меня по щеке.

– Так надо, любовь моя. Отпусти меня – и живи.

Я вытерла набежавшую слезу. Чего мне это стоит? Но я – Леоверенская. Пусть даже небо падет на землю – я буду держать голову высоко, а спину – прямо. Я – должна.

– Даниэль, я люблю тебя. Уходи – и будь счастлив в новом рождении.

Вампир даже не поднялся с камня. Море шумело. А силуэт Даниэля выцветал и выцветал. Словно на рисунок, выполненный на стекле, кто-то плеснул водой – и теперь он размывался. Становился все более прозрачным. Вот шевельнулись в улыбке губы. Блеснули на прощание сталью серые глаза. И – все.

Я осталась одна на морском берегу.

Уже навсегда.

И тогда я упала на колени – и разрыдалась так горько, как никогда не плакала от ночных кошмаров.

Теперь действительно все было кончено. Счет оплачен и закрыт. Я его никогда не увижу. Я его никогда не забуду…

* * *

– Юля, Юленька, очнись…

Шарль тряс меня за плечи, заставляя вернуться в реальность. Но это не помогло. Я прижалась лицом к плечу дракоши – и разревелась в тридцать три ручья уже в реальности.

Прошло не меньше часа, прежде чем я пришла в себя. Но рассказывать о своем сне отказалась. Узнает только Мечислав. Потом. Попозже. Когда я буду готова окончательно оплатить свой счет.

Небо чуть посветлело, когда дракоша опять уснул.

А я лежала рядом, стараясь его не разбудить – и тихо хлюпала носом.

Оказывается, Даниэль хотел отдать мне свой талант. И отдал. Но вместе с талантом – остался и сам. Даже уйти не смог.

Теперь мне было понятно, почему я не могла отпустить его. Почему не могла ближе сойтись с Мечиславом, почему боялась самой себя…

Это – нормально. И правильно.

Сейчас я свободна. Свободна от чужого огня, который вы-

жигал меня. От чужого разума, который был связан с моим. От чужой силы. И постепенно проявится мой талант. Мои чувства. Моя жизнь.

Теперь – только моя.

И я очень сильно должна Мечиславу. Если бы я не была связана с ним, я бы оказалась связана с окончательно умершим вампиром. Я была бы уже мертва. Он не давал мне сойти с ума. Поддерживал. Принимал на себя часть моего безумия. Не давал замкнуться в тоске и горечи.

Наша связь очень помогла мне.

Сейчас я намного лучше понимала, что такое Печати. Это действительно, когда тело, разум, душа – все делится на двоих. Беру я толстенную цепь – и сковываю двоих вместе. И никуда им друг от друга не деться. Ни в жизни, ни в смерти.

Хорошо, что Даниэль смог уйти.

Он ушел…

От этой мысли слезы потекли еще сильнее. Я резко вытерла их углом одеяла.

Я не буду об этом думать. Лучше я подумаю об этом завтра. Но и уснуть уже не смогу. Есть два варианта. Либо отправиться в гостиную и просидеть до утра в интернете, либо просто полежать.

Сидеть не хотелось. Но если просто лежать… о чем бы таком подумать?

А хотя бы о приезжающих родственниках.

Ох.

Лучше б это действительно был Альфонсо да Силва.

История нашей семьи требует еще небольших пояснений.

У деда родных не осталось, это так. Но у моей бабушки они были. А у мамы во время войны вообще уцелела вся семья. Так что у меня были и двоюродные и троюродные братья и сестры. А еще у мамы были брат и сестра. Тамара и Петя. Тамара – старшая, потом родилась мама, а потом и дядя Петруша. Почему Петруша?

Дядя, откровенно говоря, производил на всех странное впечатление. Я никогда не видела более живого и веселого человека. Имя Петр ему просто не подходило. Как не подходило бы оно веселому клоуну Петрушке. Я просто обожала, когда он заявлялся в гости. Он готов был высмеивать всё. Телевидение, газеты, рекламу, прохожих, собак, троллейбусы и трамваи. Я сильно подозревала, что он не перестанет шутить и после смерти. Причем все это выходило у него настолько беззлобно…

На него не обижались даже сами вышучиваемые. С ним было легко и весело, вне зависимости от того, кто ты – старик или ребенок. И в пару ему попалась тетя Вика – своего рода дар божий. Она понимала любые шутки. И в принципе не умела на них обижаться. Она работала учителем в начальной школе – и все дети обожали ее. Дядя Петя работал адвокатом в одной из многочисленных контор – и его обожали все судьи города. Из-за его грамотности – и из-за едкого и

острого, но беззлобного языка. На него просто нельзя было обидеться. Кто знает, возможно, поэтому его и не пристрелили в девяностые, как некоторых юристов.

Одним словом, когда приезжали Петруша и Викуша – дом наполнялся шутками и хохотом.

А уж их дети – Коля, Толя и Поля вообще были готовым коллективом клоунов. Причем – тройняшками. И хочу заметить, что Поля – это Аполлинер. В честь французского поэта. Здоровущие и светло-рыжие нахалы могли свести с ума кого угодно.

Одним словом – об этой ветви семьи стоило бы рассказывать часами.

Но – увы.

К нам ехали не они. А теть Тома.

Надо сказать, у моих бабки и деда по материнской линии получились очень интересные дети. Поглядел Бог на Тому, понял, что так издеваться над людьми нельзя, – и создал мою мать. Поглядел на них еще раз, решил, что Тому так просто не уравновесить – и создал Петрушу.

Но если Петруша был прикольным парнем, то тетя Тома…

Теть Тома, она же Тамара Борисовна Старкова, была самой жуткой из всех известных мне теток.

Она была начисто лишена маминого обаяния, чувства юмора, хорошего вкуса и любого понятия о деликатности.

И я не преувеличиваю.

По внешности теть Тома в молодости была даже красивее

мамы. Крупнее – да. И чем-то она напоминала древних амазонок.

Если бы она еще при этом улыбалась…

Но недаром говорят – не родись красивой, родись активной. Увы. По части активности тете Томе мог дать сто очков вперед даже памятник Ленину.

С детства тетя Тома оказалась самым подходящим объектом для розыгрышей. Шуток она не воспринимала. Вообще. Родители над ней шутить перестали. Но сверстникам запретить было нельзя. Обо всех приключениях и идиотских ситуациях, в которые попадала теть Тома, можно было бы написать книгу. Она с такой легкостью поддавалась на розыгрыши, что дети старше десяти лет даже не пытались ее разыгрывать – неинтересно.

Что такое деликатность и такт, она даже и не слышала. Она спокойно могла ляпнуть знакомой: «А я сегодня твоего мужа видела, он от Верки выходил в обеденный перерыв». Могла сказать человеку в лицо, что он выглядит, как пугало. Могла… да проще перечислить, ЧТО она не могла.

А что до хорошего вкуса…

Лучшей одеждой, с точки зрения теть Томы, были майки (свитера, блузки) гавайских расцветок и юбки такой ширины, что их хватило бы на пошив дирижабля.

Тётушка работала на заводе инженером. И в мире гаечных ключей, приборов и автоматов чувствовала себя прекрасно. Находились и кавалеры. Присматривались к статной блон-

динке, задумывались – и терялись в нетях.

Жить им хотелось больше, чем теть Томиных прелестей.

В тридцать лет она вышла замуж за Василия – «Лоханкина». Да-да. Именно так. Дед при встрече тут же прозвал его Васисуалием Лоханкиным – и по-другому к нему в жизни не обращался. Надо сказать, он попал в цель.

Дядя Васисуалий – я переняла это от деда, и не меняла, как бы ни злился Васечка, был невысок, бледноват, тощеват, подлысоват и приходился монументальной супруге примерно по плечо. В советские времена он преподавал на кафедре что-то ужасно важное. То ли историю КПСС, то ли политику партии. Там они с теть Томой и познакомились. О процессе ухаживания история умалчивает. Достоверно известно только, что теть Тома пришла разбираться с выходкой Петруши – и познакомилась с Васисуалием.

Да, юристам в то время историю КПСС преподавали в обязательном порядке. Как же с уголовниками – и без истории?! Никак-с…

Васисуалий как раз был преподавателем, пострадавшим от шуток моего дядюшки. Хотя… осуждать Петрушу было сложно. Если преподаешь всякую пакость, да еще имеешь наглость требовать со студентов какую-то ахинею, будь готов к чему угодно. Например, к тому, что тебе принесут красиво упакованную небольшую коробочку, всю надушенную и в розочках, из которой по открывании вылетят штук десять медведок.

Открывал коробочку Васисуалий в преподавательской. Там они и полетели. А если кто не видел медведку, так вы поглядите. Счастлив тот, кого сразу не стошнит. На редкость мерзсссский жук.

Теть Тома пришла извиняться и просить, чтобы брата не выгоняли. Слово за слово, встреча за встречей – и через год сыграли свадебку.

Когда началась перестройка, Васисуалия уволили без выходного пособия. И дядюшка запил. Пил он много, со вкусом, запоями, во хмелю был глупо буен, мог вышвырнуть в окно телевизор или поколотить соседа… одним словом, перестройку теть Тома провела, вытаскивая мужа из различных глупостей и таская по врачам (белым целителям, гипнотизерам, черным магам, святым мощам). Не помогало ничего. А я тогда была еще маленькой и не могла посоветовать обычную чугунную сковородку, как средство воспитания.

Естественно, с завода тётю уволили. И никуда не приняли.

Двое младших – Петруша и моя мама – перезвонились и принялись помогать сестренке.

Не учли они только одного.

Как полагала мама – теть Тома была очень больна. И большую часть болячек нажила из-за своего мужа.

Как полагала я – она была больна на голову. Поэтому и выбрала себе такого… козлодоя! Поэтому и ударилась в религию. Маме эту простую истину объяснить не удавалось. Поэтому дед просто махнул рукой, полагая, что пара тысяч

рублей в месяц нас не разорят.

Петруша думал примерно так же.

Теть Тома собирала подачки, лечила своего придурка и воспитывала детей.

Надо отдать ей должное, лет до семи я к ней относилась неплохо. Пока была маленькой и глупой. Они приезжали к нам раз в год, недели на две. И я даже играла с ее детьми. А потом… потом было много всякого. Умерли родные. Ушел Славка. А когда в семье начинаются проблемы, дети взрослеют быстро.

Теть Тома, кстати, была резко против маминого решения. И вопила, что, если мама не бросит «*своего старого извращенца!!!*», ноги ее не будет в этом вертепе и притоне разврата.

Дед сказал: «Ура». Мама расстроилась. Но надо было жить дальше. Меня воспитывать, кстати. И они жили. С теть Томой мама теперь только перезванивалась. И ужасно переживала по этому поводу. Слушала о том, как растут Лёля с Лешей (Ольга и Алексей), рассказывала про меня… деньги теть Тома брала по-прежнему. Одним словом, нормальные семейные отношения. И нечего тут смеяться.

А теперь теть Тома решила сменить гнев на милость и приехать.

Черти ее сюда несут.

Где-то на этих мыслях я и заснула. И в этот раз кошмары мне не снились.

* * *

– Привет. Ты не рад меня видеть?!

Вампир, валяющийся на кровати с планшетником, дернулся и развернулся. В дверях стояла – Она. Черти б ее подрали!

– Разумеется, рад. Проходи. И не забудь закрыть дверь. Ты помнишь? Нас не должны видеть вместе.

– Помню. Как ты думаешь – не пора?

– Пока нет. Не забывай, Мечислав так и не прекратил поиски неизвестного героя, который убил снайпера.

– Он долго их не прекратит.

– И что? У нас впереди вечность. Пора бы и научиться ждать.

Женщина скривилась, но спорить не стала. Присела на кровать, провела ноготком по гладкой коже вампира.

– Я устала от ожидания… я так больше не могу.

– Надо. Не забывай, у нас может быть только одна попытка.

Женщина хлопнула круглыми глазами.

– Ладно. Я подожду.

– Подожди… – вампир дернул ее за руку, опрокидывая на себя. Планшетник полетел в сторону. – Подожди, – прошептал он, наваливаясь на женщину всей тяжестью.

Это должно ее отвлечь. Ненадолго. Но… время, время,

как же ему нужно время!

А еще – союзники поумнее. И он даже представляет, где их можно найти. И обязательно найдет.

Скоро. Уже очень скоро.

* * *

Утро начиналось несахарно. Сначала я проспала. Вместе с будильником. Батарейка села у супертехники! Пришлось вскакивать – и мчаться в душ, а потом без завтрака лететь на первую пару.

Конечно, я опоздала минут на двадцать. И преподавательница по молекулярной биологии усадила меня на первую парту. Зря. Позавтракать я не успела – и живот распевал на все лады.

Да, я знаю, у романтических героинь не урчит в животе. И что? У меня – урчало так, что преподавательница сбивалась раза четыре. А стоило закончиться паре, как я поскакала в буфет.

О наш родной институтский буфет. С тремя засаленными столиками и одной стойкой, на которой представлено разнообразие готовых продуктов. В основном – растворимые лапша и картошка с разным вкусом. Еще были засохшие плюшки и сосиски, при взгляде на которые хотелось стать вегетарианкой. И вечные сникерсы с марсами.

Я плюнула, взяла себе двойную порцию кофе (хорошо

хоть автомат варит, а не в буфете) – и принялась греть руки о стаканчик.

Мягко говоря, я была не в форме.

Меня до сих пор трясло. Ощутимо дрожали пальцы. Сбивалось дыхание.

Я посидела так минуту, глядя на надпись на столешнице «Химики, не ищите в котлете новых элементов, биологи, не ищите там знакомых животных». А потом – тряхнула головой.

Нет, пользы от такой учебы не будет. И если я сейчас не решу этот вопрос – ее не будет еще очень долго.

Я вытащила из сумки сотовый – и решительно набрала Надюшкин номер.

– Юлька? Шалом!

– Привет. Надя, у тебя будет сегодня пара часов свободного времени?

– Для тебя – будет. А что…

– А нашлось – что. Мне ужасно надо с тобой поговорить. И очень конфиденциально.

– А я таких сложных слов не знаю.

– Выучи!

– Ума не хватит…

– Надя! – взорвалась я. – Хватит дурака валять!

Подруга поняла, что дело – серьезно. На миг замолчала. А потом осторожно спросила:

– Что-то серьезное?

– Да. Для меня.

– Сегодня, в двенадцать, пойдет?

– Где?

– Я подъеду к тебе в универ, посидим в кафешке рядом. У вас же там есть пиццерия?

– Есть. И… Надя…

– Да?

– Если ты хоть кому-нибудь, хоть словом намекнешь о нашей встрече – я тебе хвост обрежу! По самые уши!

* * *

Надя была пунктуальна, как обычно. И чертовски очаровательна.

Темные волосы падали на плечи асимметричными прядями, глаза сияли, губы улыбались, постройневшую фигурку плотно обтягивало синее платье, а белый воротник, чем-то похожий на матросский, подчеркивал смуглый цвет лица.

И рядом я.

Волосы лохматые, щеки запали, глаза с ночи опухшие, джинсы и свитер вообще из магазина распродаж… красавица и чудовище. Однозначно.

Мы оккупировали столик в пиццерии, заказали по лепешке с коктейлем – и Надюшка пристально поглядела на меня.

– Рассказывай. Что случилось? С чего ты сорвалась?

Я закусила губу. Рассказать было сложно. С другой сторо-

ны… а кому еще я могу это рассказать?! А рассказать – надо. Я просто с ума схожу! Как легко раскладывать по полочкам чужие переживания! Как тяжело со своими…

Я собралась с духом, отхлебнула коктейля – и выложила ей весь свой сон.

Надюшка внимательно слушала, покусывая ноготь на большом пальце. Сначала она попыталась грызть соломинку от коктейля, но, когда обнаружила, что мимоходом отгрызла от нее здоровый кусок – смущенно фыркнула и прекратила это дело.

Я честно исповедалась и в том, что видела, и что чувствовала…

Надя не перебивала. А когда я закончила, тряхнула головой.

– Вот оно как! Черт побери! Я даже подумать не могла, что ты… вот так…

Я кивнула.

– Да. Оказалось – что именно так.

Надя задумалась. А потом посыпались вопросы.

– А рисовать ты не прекратила?

Я улыбнулась. Взяла салфетку – и несколькими штрихами изобразила девушку-официантку. Получилось забавно, легко и совершенно не зло.

– Не прекратила. Уже проверено. Знаешь, наука как-то в голову не лезла…

– А что ты сейчас чувствуешь по отношению к Даниэлю?

– Не знаю. Это… это как лишиться чего-то вроде старой болячки. Вроде и больно, но ты так к ней привыкла, что теперь даже и не хватает этой боли…

– И тебе хочется, чтобы болело, как раньше?

Я прислушивалась к себе.

Не хотелось. Куда-то ушла давящая тоска. А произнося про себя имя Даниэль, я не испытывала глухой тянущей боли. И это радовало.

Надя повертела в руке ложечку.

– Юлька, а к Мечиславу ты что чувствуешь?

К Мечиславу?

Я вдруг представила себе вампира таким, как видела его последний раз – он сидит за столом, чуть склонив голову набок, я вхожу – и он поворачивается и смотрит на меня глубоким взглядом зеленых глаз. И меня вдруг пронзило такое острое желание, что скорее это было ближе к боли.

Надя, внимательно наблюдающая за мной, улыбнулась.

– Что и требовалось доказать…

– Исчез мой иммунитет? Паршиво…

– Юлька, что за чушь?! Какой иммунитет?! Просто теперь ты можешь отпустить себя на свободу.

– Это так называется?

Надя шваркнула ложку в бокал.

– Блин! Юлька, как где – ты умная женщина. А здесь вдруг отупела и одурела?! Осеннее обострение, что ли, сказалось?!

– Надька, договоришься!

– Вах, баюс, баюс…

– Вижу…

– Юлька, ну подумай сама, что странного в твоем влечении к Мечиславу?

– А если оно – наведенное?

Надя фыркнула.

– Чего поглупее скажи. Ты же сама знаешь, что это – чепуха. Если тебя тот демон не смог подчинить, то Мечиславу-то куда с ним тягаться?

Я мрачно кивнула.

– Думаешь, я хочу его просто так? Сама по себе?

Взгляд Нади стал насмешливым.

– И что в этом странного? Вроде как не крокодила в постель получить мечтаешь. А очень даже симпатичного мужчину.

– И что? Симпатичных мужчин много, на каждого теперь бросаться?

– Не на каждого. Но с этим конкретным мужчиной тебя многое связывает, разве нет?

– Разве да, – буркнула я. – Но все равно это как-то неправильно…

Подруга только головой покачала.

– Знаешь, иногда я тебе просто поражаюсь. Юля, а лет тебе сколько?

– Много.

– Я тебе как медик скажу – ты здоровая молодая женщина.

На которой пахать и пахать надо.

– Надька!

– Я имела в виду тяжелую работу. А ты что подумала?!

– С тебя что угодно станется.

– И даже в этом смысле, все равно оно – правда. Когда у тебя последний раз с кем-то было?

Я покраснела.

– Еще когда Альфонсо да Силва не подох.

– И что ты хочешь?! Юлька, то, что я тебе скажу, не пишут в романах. И родители молчат об этом. Но – секс необходим женщине для здоровья. Там, внутри, такие же мышцы, как и снаружи. И без упражнений – они у тебя атрофируются к чертям! Думаешь, это приведет к чему-то хорошему?

– И что дальше? Срочно закупиться в секс-шопе?

– Юлька, не зли меня!

Я тоже сверкнула глазами.

– Надь, я не могу просто так…

– Тогда сделай это сложно. Хочешь мой совет – пожалуйста. Иди сегодня к Мечиславу. Надень юбочку покороче. Плавки посимпатичнее. И соблазни его. Имеешь право! Ты столько времени держалась…

– Оказывается, моя стойкость была наведенной…

– Вот. Поэтому лучше выбери время сама. И место. И вообще – если желаешь узнать подробнее о своих чувствах – очень советую. Да и о его. Если захватишь его врасплох.

– Надька, а если все еще больше усложнится?

– Если бы, да кабы, да еще бы и грибы, то какой бы интерес нам тогда ходить бы в лес?

Я фыркнула. И занялась вовремя принесенной пиццей.

Иногда лучше жевать, чем говорить. Факт.

Мне надо было все серьезно обдумать. Надюшка не препятствовала, занимаясь своей порцией. Она свое черное дело сделала.

А вот что теперь делать мне?!

Злобно зазвонил телефон. Я щелкнула кнопкой.

– ДА?!

– Юля, привет. Приезжай, потренируемся…

Валентин. Я дожевала кусок пиццы. Что может быть лучше для расхода лишнего адреналина?!

Тренировка и еще раз тренировка! Чтобы перестали беситься надпочечники и заработала голова.

– Сейчас приеду.

Я допила коктейль и встала.

– Ты со мной поедешь?

– Еще чего не хватало, – отмахнулась Надя. – У меня еще практика в больнице…

Я кивнула – и отправилась в спортзал.

Лучшее средство от переживаний – два удара ногой. По животу – и по голове. Лишь бы уши в угол не улетели…

* * *

К концу тренировки я была великолепна. Растрепанная, красная, злая, а пóтом разило так, что мухи дохли. Валентин не спрашивал, что случилось, я не рассказывала. Вместо посиделок в баре за стаканом сока попрощалась – и удрала домой.

Шарль куда-то ушел. Нет, не куда-то. Вот, записка на холодильнике.

«Юля, решил погулять, проехаться до Минивэна». И время. Так, пять тридцать, где-то за час до моего прихода. Можно его не ждать еще часа два.

«Минивэн» – это один из гипермаркетов. У нас их вообще уже двенадцать штук. Кому это надо – черт их знает. Продуктовый набор примерно один, только расположение разное. И названия. «Минивэн» расположен аккурат в часе езды на общественном транспорте. А ведь пока дождешься. Пока там прогуляешься…

Я плюнула – и полезла в ванну.

Скоро вечер. И мне хотелось быть во всеоружии. Принятое решение откровенно не радовало. Но… мне казалось, что оно необходимо. Поэтому я капнула в воду жасминового масла, вымыла голову, а пока волосы сохли, отправилась на кухню. Но проглотить ничего не удалось. Пришлось плюнуть – и заняться всем остальным. Одежда, макияж…

Я достала из шкафа комплект белья (явно работа Мечислава), который не надевала раньше даже под джинсы. М-да.

Выглядело это так. Бюстгальтер. Белый. Без лямочек. Застежка спереди. Трусики. Тоже белого цвета. Пояс. К нему пристегиваются чулки. Ничего не забыла? А, да. Одна деталь. Хоть все белье и было белого цвета, но комплект был выполнен из такого прозрачного кружева, что сквозь него было видно – всё. Вообще всё.

Но сегодня мне это и надо было.

Сверху я натянула короткую юбку. Свитерок, куртка – и я готова на подвиги. Осталось только набрать номер и вызвать такси.

Почему?

А вы пробовали поздней осенью, почти зимой уже, поездить в общественном транспорте фактически с голым задом. И в туфлях на двенадцатисантиметровом каблуке?

Нет?

И я не хочу. Мне еще все части меня дороги. Не хочется отморозить половину.

И надо написать Шарлю записку. Что я до утра у вампиров. Можно бы и позвонить, но дракоша слишком хорошо меня знает. Заподозрит неладное, примчится разбираться, а зачем ему лишние переживания?

Я разыскала карандаш и бумагу, сосредоточилась…

Бзыннн!!!

Ненавижу телефоны!!!

Но оказалось, что это звонил дед.

– Мелкая, привет. Как дела?

– Пока не родила.

– Плохо стараешься.

– Я исправлюсь. Тебе двойню, тройню?

– Мне завтра чтобы пришла в гости с Шарлем. Ясно?

– Дед, а послезавтра?

– Завтра. Ты русский язык понимаешь?

– Понимаю. Зачем такая спешка?

– Юля, послезавтра Томка с Васисуалием приезжать изволят…

– Черт! Я и забыла!

– Я бы тоже. Да не получится. Значит так. Завтра, в пять вечера. Ясно?

– Форма одежды?

– Трусы на подтяжках. Еще глупые вопросы будут?

– Нет.

– Тогда – пока.

– Пока. Маме привет передавай…

– Аля, тебе привет. А тебе – пока.

Я положила трубку, накорябала записку – и удрала из дома. Должна успеть вовремя. Закат через полчаса.

* * *

В «Трех шестерках» как всегда было весело и людно. Я

сразу поднялась на второй этаж. И наткнулась там на Вадима.

– Юлька! Привет!

– Привет! Как дела?!

Меня подняли, чуть-чуть покружили по коридору и осторожно поставили на место.

– Прекрасно. А ты… у тебя – как?

Вадим оглядел мой наряд.

– Хорошо. Может и лучше будет. Мечислав сильно занят?

– Да нет. Рутина… А чего ты приехала? Вроде как шеф к тебе собирался, только чуть позже?

Знаю. Поэтому и приехала так рано. Сюрпризом. Распорядок Мечислава мне известен. Сначала он просмотрит все, что накопилось за день. А уж потом поедет ко мне. Так что я успела вовремя.

– Я решила приехать сама.

– В таком виде?

– Тебя чем-то не устраивает мой вид? Я плохо выгляжу?

– Просто потрясающе. И очень сексуально.

– Отлично. Тогда я к нему. И… Вадька…

– Да?

– Если нас в ближайший час хоть кто-то побеспокоит – пришибу на фиг!

Выражение лица Вадима стало ужасно ехидным. И он с издевкой оглядел мой наряд.

– Юлька, а ты уверена, что вам часа хватит?

Я сделала серьезное лицо и пожала плечами.

– В прошлый раз вроде успели…

Вадим мгновенно стал серьезнее протестантского пастора.

– Ты – всерьез?!

Я кивнула. Более чем всерьез. Не знаю. Иногда бывает такое ощущение, что НАДО! И хоть ты себя за локоть укуси, а сделай! У деда так тоже бывает. Намного чаще, чем у меня.

– Юлька, а ты понимаешь, на что ты идешь?

Глупый вопрос. И на что, и к кому, и даже примерно представляю себе последствия…

– И что потом не сможешь отыграть обратно?

Я опять кивнула, как китайский болванчик. Понимаю. Мечислав – как тигр. А где вы видели тигра, который выпустит из зубов свой кусок мяса?

Вадим немного помолчал. А потом выдохнул, отпуская мои плечи:

– Ради всех нас – надеюсь, ты знаешь, что делаешь…

Я молча развернулась – и направилась в кабинет к Мечиславу.

Знаю, не знаю… прыгать надо! Все!

* * *

В кабинет я вошла без стука. Хозяин кабинета приподнял голову, кивнул мне – и опять углубился в бумаги, лежащие

на столе.

Мечислав выглядел усталым.

Как выглядит усталое совершенство?

Сногсшибательно! И головокружительно.

Почему-то в такие моменты, в простой джинсовой рубашке из синей ткани и таких же синих джинсах, вытертых на коленях, он кажется намного более человечным. Нормальным. Обычным. Пряди черных волосы выбиваются из аккуратно завязанного хвоста и падают на лицо. Под зелеными глазами залегают тени, подчеркивая высокие скулы. На щеках горит лихорадочный румянец. Совсем как отблеск заката на начищенном золотом диске. Алые губы закушены и виден кончик белоснежного клыка.

Так и тянет присесть рядом, погладить вампира по волосам и тихо поинтересоваться:

– Жизнь загрызла?

Ну а раз тянет – надо сделать.

Мечислав шарахнулся от меня так, словно подозревал, что я ему высажу в волосы тарантула средних размеров.

– Юля, ты в порядке?

Я хлопнула ресницами. А потом до меня дошло.

Конечно. Я столько от него шарахалась, что теперь, когда решила сменить гнев на милость, вампир просто… испугался?

Да, я знаю. Герои не боятся. Но кому они нужны в обычной жизни, те герои. Носки – и то себе не постирают. Хотя…

представив себе Мечислава, который упоенно стирает носки, я невольно фыркнула. Вампир подозрительно поглядел на меня. М-да. Запугала я беднягу. А я ведь даже не за феминизм.

– Все в порядке, спасибо зарядке.

– К-какой?

– Для телефона марки «Филипс». А ты как? Я же вижу – у тебя уже не круги под глазами, а глаза над кругами.

– Есть такое, – вампир на миг прикрыл глаза ладонями, потер виски, встряхнул головой. Прядь черных волос скользнула по моему лицу, обдавая запахом меда. *Его* запахом…

– И что случилось?

Голос вроде бы не дрожит. И это хорошо.

– Не знаю. Вроде бы все благополучно. Но… напоминает затишье перед бурей.

Я кивнула.

Что-то подобное ощущала и я. В самой глубине души, там, где живет бюро прогнозов.

– Ты тоже так думаешь.

Мечислав не спрашивал. Он констатировал факт.

– Да. Поэтому я сегодня здесь.

Вампир поднял брови. Кажется, он хотел что-то спросить. Но не успел. Я наклонилась вперед – и наконец-то отпустила себя на свободу. Через мои глаза глядела та самая женщина с портрета Даниэля. Она – или все-таки я легонько коснулась губами его шеи, проскользила языком по гладкой коже

до воротника рубашки, вдохнула сводящий с ума аромат и прижалась губами к подключичной артерии.

– Юля?

Голос вампира был неуверенным. Но меня это не смутило. Рука скользнула к пуговицам на рубашке.

Как хорошо! Это всего лишь кнопки. Расстегнутся легче.

Тихо щелкнул металл. Одна кнопка. Вторая.

Вампир перехватил мою руку и сильно сжал запястье.

– Ты понимаешь, что делаешь?

Его лицо было в паре сантиметров от моего. Зеленые глаза смотрели испытующе. Я хотела сказать что-то ядовитое, но… воздуха не хватило. И у меня получилось только опустить ресницы, сдаваясь на милость своего мужчины.

– П-понимаю…

– Ты уверена? Я не позволю с собой играть.

Я опять кивнула головой. Мечислав сдвинул брови. Сильная рука легла мне на затылок, вынуждая смотреть ему в глаза.

– Ты понимаешь, что я теперь тебя не отпущу?

– Д-да…

– Что уже не сможешь уйти? Я давал тебе право выбрать. Но если ты пришла – дороги назад не будет. Я не позволю.

Почему не получается ничего сказать? Почему я могу только слушать – и чуть дыша, глядеть в ярко-зеленые глаза, которые светятся невероятным, почти нечеловеческим светом – вот исчезает зрачок и в глубине дикой зелени начинает

разрастаться ярко-красный огонек.

У меня пересыхают губы – и я машинально облизываю их языком. А в следующий миг алый огонь вспыхивает еще сильнее и ярче.

– Ты согласна оставаться рядом со мной на этих условиях?

И внутри меня вдруг тоже вспыхивает огонек гордости. Я пока еще не прошла свой путь развития. Пока еще я не та женщина, что на портрете. Но… я живу, расту, учусь и иду к ней. И с губ срывается упрямое:

– Если тебя устроят мои условия!

– *Твои* условия?

Мечислав смотрит с изумлением. А я стряхиваю его руку с затылка и дерзко улыбаюсь в ответ.

– Пока ты со мной – ты будешь только моим. А если я узнаю о другой женщине – уйду в тот же миг! Если ты рассчитываешь, что я буду тихо сидеть у твоих ног и ожидать твоего внимания, как высочайшей милости – ты ошибаешься! Лучше я уйду прямо сейчас…

На последних словах мой голос падает до шепота. Но Мечислав молчит. Секунда. Две. Десять…

Я разворачиваюсь к двери. Голова вздернута, плечи расправлены.

Лучше уйти сразу, а не дожидаться, когда тебе объяснят, что ты хорошая девушка, но…

– Юля… если я соглашусь?

Я смотрю прямо на вампира.

– Обещаю быть с тобой, пока… пока не переменится ветер. Не предам и не оставлю в трудную минуту. Отпущу по первому же требованию.

– А просто так?

– Я не прикована к тебе цепью. Моя сила и так в твоем распоряжении. А душу я оставляю за собой.

– И ты уверена, что я соглашусь?

– Нет. Но я должна была так поступить.

Мечислав еще несколько секунд смотрит на меня. А потом чуть опускает ресницы, пряча алые огни…

– Пока мы вместе – у меня не будет ни одной другой женщины.

– И ты отпустишь меня, если я захочу уйти.

Мечислав чуть сдвигает брови. Но потом улыбается.

– Хорошо. Если ты захочешь уйти – я не стану удерживать тебя. Договорились?

– Договорились.

– Тогда – иди ко мне. Ты знаешь, чем скрепляют договор с вампиром?

– Литром крови, – пытаюсь пошутить я. Но натыкаюсь на всепонимающую улыбку. Очень ленивую и очень… чувственную.

– Об этом мы тоже поговорим. А пока – обойдемся поцелуем.

О, черт! Я не думала… не хотела… но ноги сами делают шаг, второй, третий – и я останавливаюсь совсем рядом с

Мечиславом, так близко, что между нами сложно просунуть даже лист бумаги.

– Юля…

Вампир наклоняет голову – и прижимается губами к моим губам.

И я теряю всякий контроль над собой. Цепляюсь за его рубашку, обхватываю широкие плечи, отвечаю на поцелуй – и с радостью ощущаю легкую боль от клыков… укололась?

Неважно! Все становится совсем неважно. Важен только этот мужчина. И сейчас он – рядом со мной. Что еще нужно?!

Мечислав перехватывает мои запястья.

– Наконец-то. Моя. Скажи, что ты – моя женщина…

Тихий порочный шепот отдается в каждой клеточке тела. И дурманно кружится голова. И по коже бежит сладкая дрожь озноба. И в комнате раздается тихий стон. Мой? Его? Все-таки мой…

– Скажи мне. Я хочу это слышать…

Я смотрю в невероятно зеленые глаза. И тихо-тихо шепчу. Так, что даже сама не слышу.

– Твоя. Теперь – только твоя…

Алый огонь вспыхивает так ярко, что я слепну. На миг закрываю глаза – и уже не могу открыть их. Потому что к моим губам прижались твердые губы. Накрыли, лишили дыхания, затянули, как в омут, в поцелуй – и я тону в нем. Тону беспомощно и безнадежно. Мечислав крепко прижимает меня к себе – и я понимаю, что мои руки уже никто не держит. Они

обрели свою волю и зарылись в гриву густых черных волос, с которых куда-то подевалась дурацкая лента.

И мы уже не можем оторваться друг от друга.

Несколько секунд – или часов – и я оказываюсь на чем-то прохладном и гладком. А Мечислав оставляет меня… почему?!

Я открываю наконец глаза, чтобы возмутиться – и вижу, что мы находимся в какой-то комнатушке. Из мебели здесь только кровать с зеркалом на спинке, тумбочка рядом и телевизор на стене. И все.

Я лежу на кровати, а вампир, стоя рядом со мной, расстегивает рубашку до конца и снимает ее. Мне открывается мускулистая грудь с дорожкой темных волос, сбегающей под вытертые джинсы – и я судорожно втягиваю воздух.

Мечислав на миг останавливается.

– Не передумаешь?

Я слежу за движением его губ. И сердце бьется все чаще, а мышцы внизу живота сводит судорожным спазмом. Почти боль. Почти удовольствие.

– Нет, – сами собой шепчут мои губы. – Пожалуйста…

Пальцы вампира провокационно играют с застежкой джинсов.

– Я так долго ждал… Так долго…

Я тоже ждала. С моих губ срывается тихий протестующий стон. Сколько можно ждать?! Ты нужен мне! Иди сюда…

Джинсы отлетают в сторону. И я гляжу на него расширен-

ными глазами.

Память мало что сохранила из той единственной встречи, когда нас бросило друг к другу. Это была не любовь, нет. Это было безумие. Схватка. Почти бой. Нас накрыло волной бешенства, а что можно вспомнить, если тебя накрывает цунами?

Ничего. Почти ничего. Только само ощущение сладкого безумия.

В этот раз все не совсем так. Совсем не так. Мечислав медленно опускается на колени рядом со мной. И скользит руками по моему телу. От плеч – до кончиков пальцев на ногах.

– Наконец-то… моя…

Под сильными пальцами отлетают в сторону пуговицы. Жалобно пискнув на прощание, расходится молния на юбке. И я остаюсь перед ним в кружевном белье белого цвета и белых чулках.

Мечислав резко выдыхает, словно получил удар в живот.

Проходит несколько секунд, прежде чем он тихо произносит:

– Красиво. Так красиво… ты просто чудо…

Но вместо того, чтобы снять с меня все это, вытягивается рядом со мной. Я разворачиваюсь и протягиваю к нему руки. Хочу прикоснуться, погладить, потрогать его…

Мои руки словно попадают в стальной капкан. Мечислав очень аккуратен, и не причиняет мне боли, но легче вырвать-

ся из капкана, чем из этих тонких золотистых пальцев.

– Нет.

Нет?!

– Сегодня мы никуда не будем спешить, любовь моя. Я долго ждал – и намерен расплатиться за каждую минуту ожидания. Ты еще не раз попросишь меня… а пока…

Он перехватывает обе моих руки одной ладонью и вытягивает над головой. Мои пальцы нащупывают что-то прохладное. Прутья?

– Держись за них. Или я остановлюсь. Обещаю…

Шепот становится все более интимным, горячей волной скользит по коже…

– Я сделаю так, что ты никогда не забудешь эту ночь. Никогда не сможешь быть с другим мужчиной. На месте любого ты будешь видеть только меня. Клянусь… Я слишком долго ждал этой минуты. И теперь будешь ждать ты. Будешь умолять меня прекратить эту пытку. Будешь мечтать о пощаде. Будешь…

Палец вампира скользнул по краю кружевного бюстгальтера – и у меня вырвался глухой стон.

– Как приятно слышать… сегодня ты будешь много кричать… любовь моя.

Любовь моя?

Но я не успеваю ни о чем спросить.

За пальцем следуют его губы – и я теряю дар речи. В крови словно вскипают сотни пузырьков шампанского. Кружится

голова. И тихий голос шепчет на ухо:

– Не смей закрывать глаза. Я хочу, чтобы ты видела меня. Видела, кто рядом с тобой…

Я повинуюсь. И вижу ласковую улыбку на идеально очерченных губах.

– Это наша первая настоящая ночь, малышка… Я не стану делать ничего против твоей воли. Но я хочу, чтобы она стала по-настоящему незабываемой. Ты понимаешь меня?

Я опускаю ресницы в знак согласия – и тут же поднимаю их, чтобы не упустить ни одного его движения, ни одного жеста, взгляда, вздоха…

А в следующий миг его тело накрывает меня.

И все становится неважно. Нет ничего. И никого. Ни этого мира. Ни Совета Вампиров где-то там, ни интриг, ни затаившихся врагов…

Есть только он – и я.

Только зеленые глаза, горящие рядом с моим лицом, только руки, путешествующие по моему телу, только губы, следующие за опытными руками… почему дрожат твои пальцы? Почему сбивается дыхание?

И бешено бьется сердце, и мышцы сводит жаркой темной судорогой, и крик сам собой вырывается из груди, и тело выгибается тебе навстречу, а мир вдруг темнеет и рассыпается дождем золотых искр…

А когда открываешь ослепшие от страсти глаза – видишь перед собой все ту же нежную улыбку. И алый огонек в зеле-

ных глазах. И что-то светится в них такое, новое, странное и для меня, и для тебя… любовь? Неужели ты действительно любишь меня?…

Но вопрос застывает на губах, когда по раковинке уха скользит кончик его языка – и я слышу тихое:

– Повтори это… для меня… любимая… я хочу видеть еще…

И понимаешь, что это вовсе не предел страсти…

Потому что у любви – пределов нету.

И так раз за разом, пока не теряешь счет времени. И когда ты, наконец, уступаешь своей страсти и присоединяешься ко мне, я словно схожу с ума. Прижимаюсь к тебе так крепко, что кажется, два тела становятся одним – и мы вместе теряемся в безвоздушном золотом пространстве, чтобы опуститься на землю. Вместе…

Теперь уже навсегда – вместе…

Я действительно никогда не забуду эту ночь, Мечислав.

Не потому, что ты такой невероятный любовник. Хотя и это – верно.

Я не забуду ее потому, что ты *любил* меня. Не просто занимался сексом, как со множеством женщин.

Ты – любишь.

И я – люблю…

* * *

Женщина неслышной тенью скользнула по коридору.

Она вся кипела от ярости. Но старалась этого не показывать.

Твари, суки, сволочи, подонки!!! НЕНАВИЖУ!!!

Всех, всех ненавижу… Мечислава, который поигрался и выбросил, компаньона, который не принимает ее всерьез и не хочет ничего делать, бывшую подруженьку Юлечку… эту сучку – особенно!

До красной пелены и выдвинувшихся клыков!

Мерзавка! Тварь!

Если бы не она…

О, если бы не она, все бы могло сложиться совсем по-другому. Она была бы фавориткой у Андрэ. А со временем – кто знает. Могла бы дорасти и до Княгини. Могла бы. Если бы не испугалась тогда. И не пришла к этой маленькой дряни!

И – что?!

Юлька умудрилась перетянуть на себя все одеяло!

Сила, сила… да какая у нее может быть сила?! Она же полная бездарь! Чучело огородное, которому Катя позволяла с собой дружить только из милости…

Что они все в ней нашли?!

Андрэ, Мечислав, Рамирес, Альфонсо…

Неужели это так важно – никому не давать?!

Женщина выругалась про себя. Ладно, Юлечка, поглядим на тебя после этой ночи. Мечислав так же попользуется тобой, как и мной. И так же выбросит! На помойку! Где тебе самое и место!

Гадина!!!

А чтобы тебе не было скучно на помойке, мы тебе немножечко поможем. Сумочку-то ты оставила у Мечислава в кабинете. И в ней – сотовый телефон. Я-то знаю о твоей привычке носить его только в сумке. А в телефоне…

Проникнуть в кабинет Мечислава оказалось неожиданно легко. Екатерина, а теперь молодая вампирша по имени Анна проскользнула внутрь и обвела кабинет взглядом. Вот на полу туфельки. Ишь ты, на каблуках ходить научилась… дрянь! А вот и сумочка. А в ней…

Катя схватила маленький сотовый телефон и лихорадочно зарылась в список телефонов… Рина, Римма, есть! Рокин!

А теперь переписать номер – и рысью отсюда! Пока не застукали!

Катя быстро черкнула несколько цифр прямо на запястье. Положила сумочку на место, поправила волосы, выглянула в коридор – и облегченно выдохнула.

Никого.

Можно выйти…

Вовремя! Женщина решительно зашагала к выходу из клуба. Сейчас ей предстоит серьезный разговор.

Телефон-автомат нашелся быстро. Буквально в двух минутах ходьбы. И Катя набрала заветные цифры.

Ответили ей не сразу. Женщина притопывала по мостовой, почти физически ощущая, как улетучиваются бесценные секунды. Каждую минуту ее могут хватиться, послать за ней… скорее же!!!

Голос в трубке она восприняла как благодать Божью.

– Рокин?

– Да.

– ИПФ?!

– Да. А…

– Молчите и слушайте меня. Юля Леоверенская – вам знакомо это имя?

– Да.

– Она – подстилка и фамильяр Князя города. И легла под вампира уже очень давно. Можете проверить. Мужчина, который живет у нее дома, тоже не человек. Дракон. А сама она намного сильнее, чем показывает вам. Но хорошо это скрывает.

Катя повесила трубку. И злорадно ухмыльнулась, удаляясь от телефона на полной скорости.

Так-то, Юлечка. Око за око, челюсть за зуб. Ты зря мешала мне жить! Теперь я тебя просто уничтожу. То есть займется ИПФ. А я постою в сторонке.

А когда разделаются с тобой, справиться с Мечиславом будет намного легче.

Я еще всем вам отомщу за свое унижение! Я стану Княгиней Города! И такие как вы будут у меня в ногах валяться!

Всем отомщу!

ВСЕМ!!!

НЕНАВИЖУ!!!

* * *

Безумие чуть схлынуло – и мы с Мечиславом вытянулись рядом на кровати. Вампир раскинулся на всю ширину, разбросав руки и ноги. Я свернулась клубком у него на плече и закинула ногу ему на бедро. Вампир обхватил меня за плечи, и сейчас его пальцы лениво чертили круги на моей влажной коже.

Не хотелось ни думать, ни говорить, ни даже дышать. Только закрыть глаза – и уснуть.

Ага, щас! Вампир не дал. Развернулся так, чтобы видеть мои глаза, и самым серьезным тоном поинтересовался:

– И как это понимать?

Вот если бы я не лежала – я бы упала.

– А тебе надо все растолковывать, как маленькому? Что может значить мое появление в твоей постели?

Мечислав чуть нахмурился.

– Юля, не передергивай. Разумеется, я безумно рад видеть тебя – здесь. И хочу видеть и дальше. Но еще я хочу знать –

почему? Почему ты пришла, что именно ты от меня хочешь, и где та граница, которую ты теперь проложишь между нами?

Я опустила ресницы. М-да. Вот это и называется – запугать мужчину до невроза. Теперь бедняга представляет, на сколько месяцев я от него запрусь, и скольких усилий ему будет стоить мое выковыривание из скорлупы – и заранее содрогается. Что ж.

Сама виновата – сама и исправлять буду. И сдаваться на милость победителя. Или не сдаваться…

Только про Даниэля не расскажу. Незачем.

Это – мое. Личное. Навсегда.

– Хочешь – будешь. Почему? Потому что так правильно. И другого объяснения не будет. Что я от тебя хочу? Да ничего! Вообще ничего, понимаешь? Только тебя. А граница… определится со временем. Я ведь еще ни разу не была ничьей любовницей. Откуда я знаю – как правильно?

– Любовницей?

Я пожала плечами. То есть попыталась. Лежа это как-то неудобно делать…

– А как это называется?

– Я думал, то, что между нами произошло, называется по-другому.

Я тоже так думала. Но не признаюсь. Женщина я – или уже где?

– Юля, ты мой фамильяр. Пусть не до конца. Но формаль-

но и фактически – ты моя вторая половинка. Почти жена. Даже больше, потому что с фамильяром развод не предусмотрен. И то, что было – это не просто секс. Для меня это намного больше. А для тебя?

Я вздохнула.

– Больше. Согласна. И… Слава… я согласна на третью Печать.

Мечислав медленно улыбнулся. Показались белые зубы, пробежали мелкие морщинки у глаз, делая идеальное лицо – человеческим и намного более привлекательным.

– Юленька… любимая моя…

Я улыбнулась в ответ.

– Я тебя тоже люблю… наверное…

– Наверное?

– Я пока не знаю точно. Дашь мне время разобраться в своих чувствах?

Вампир чуть притянул меня к себе и поцеловал. Сначала нежно и ласково, чуть касаясь моих губ, но потом поцелуй стал глубже, я прильнула к нему вплотную, а когда мы оторвались на пару минут друг от друга, у меня кружилась голова. И в ней поселились страшные мысли… а может – продолжить? Ночь же еще не кончилась?

Но Мечислав вдруг поднялся с кровати – и подхватил меня на руки.

– Куда? – запротестовала я.

– В душ. Ты ведь никогда не занималась любовью в душе?

Я помотала головой. Не занималась.

– Надо попробовать…

– Я надеюсь, на люстру у тебя фантазии не хватит?

Ответом мне был довольный мужской смех.

А в душе оказалось очень даже неплохо…

* * *

Константин Сергеевич Рокин, полковник ИПФ, смотрел на телефон – и не мог поверить своим ушам.

Юля – вампирская подстилка?!

Быть не может!

Да, она глупая дерзкая девчонка, она явно не ангел, но – настолько?!

Она же знает, что это за исчадия ада!

Глупости! Явно глупости!

Но проверить – надо. И лучше всего… пойти к ней сейчас?!

Глупо! Второй час ночи. Лучше – завтра утром. Он спросит, она ответит – и все будет в порядке. А доносчика надо найти. Обязательно. И выдать ему кнутов. В соответствии с древним принципом.

* * *

Когда мы очнулись второй раз, было уже около четырех часов утра. М-да.

Начали мы действительно в душе. Потом переместились на кровать. И продолжили. Хорошо так продолжили. Простыни на кровати были откровенно влажными. И их пора было выжимать. Мы тоже были мокрыми и потными. А я еще и ужасно измотанной. Между ног саднило. Мышцы болели. Голова слегка кружилась. А на шее прочно обосновался след укуса.

Аккурат на сонной артерии. Это Мечислав после четвертого… кажется… раза спросил меня – и я разрешила. Не питаю иллюзий – я бы ему еще и не то разрешила, лишь бы не останавливался.

И не жалею.

Ночь была просто восхитительная. А Мечислав выполнил обещанное. После такого – мне в жизни не захочется смотреть на других мужчин. Но ему я об этом не скажу. Пусть понервничает. Женщина я – или уже где?!

Вампир чуть шевельнулся. Я чуть шевельнула головой – и улыбнулась. Зеленые глаза светились, как два огонька.

– Как ты себя чувствуешь?

– Усталой. И довольной по уши.

На лице мужчины – МОЕГО мужчины – появилась само-

довольная улыбка. Полная этакого мужского «эго». *Это – моя женщина. И она мной довольна*. Но меня это не раздражало. Имеет право.

– Ты приедешь завтра?

– Приеду. Только попозже. У меня завтра семейный вечер.

– Какой-какой?

– Ну да. Дед захотел, чтобы я познакомила Шарля и маму.

– И как ты его представишь? – тут же понял проблему Мечислав.

– Как друга. Но вообще-то… я хочу намекнуть деду на усыновление. Или что-нибудь в этом духе.

Мечислав явно задумался. А потом согласно опустил ресницы.

– А ему нравится эта идея?

– Слава, моему деду уже восьмой десяток. Ему становится тяжело. Чисто физически. Он мне намекал на семейный бизнес. Но из меня управленец не получится.

– Возможно, лет через пятьдесят…

– Под твоим чутким руководством?

– А ты что-то имеешь против?

Я – не имела.

– Уроки будут проходить здесь же?

– Нет. Найдем кровать поудобнее.

Я фыркнула.

– Лет через пятьдесят я припомню тебе эти слова. А пока

лучше Шарля кандидатуры и не придумаешь. Мама поймет.

– Жаль, что я не знаком с твоей матерью.

– Мы бы ее и с Шарлем не знакомили. Но выбора нет. Я поговорю с дедом. Но… ты вампир. И этим все сказано. Рано или поздно даже самая глупая женщина заметит, что ее дочь живет больше по ночам, чем днем.

– Это верно. Хотя у меня есть вариант лучше усыновления.

– Вот как?

– Ну да. Фиктивный брак. Шарль не будет против. Ему еще в себя лет сто приходить. Тебя он интересует как мужчина?

Я задумалась. Шарль? Мужчина?

Нет!

То есть да. Мужчина. Симпатичный. Весьма и весьма. Но…

Но для меня он всегда останется младшим братом. Такой же надломленной душой, как и я. Рано или поздно наши надломы выправятся. Мой – раньше. И я уже делаю шаги к выздоровлению. Его – позже. Но привлечь меня как мужчина – вряд ли. Слишком мне было его жалко. Часто у женщин пожалеть и полюбить – это одно и то же. Но не в моем случае.

– Не интересует.

– Я уже понял. У тебя весьма выразительное лицо.

– Психолух, ёлки!

– И не псих, и не олух. Так что гордись. У тебя вполне

приличный мужчина. А Шарль получит таким образом официальный статус на ближайшие лет пятьдесят. А там будет видно.

Я подумала пару минут. Что ж, идея действительно неплохая.

– Почему бы и нет. Я поговорю и с дедом, и с Шарлем. А если Шарль кого-то встретит?

– А что, у нас запретили разводы? Или ты его будешь ревновать?

Я фыркнула еще раз. Ревность?

Да я в жизни не ведала этого чувства. Ревность – она от неуверенности в себе. А мне чего страдать? Красивая. Умная. Обаятельная и привлекательная.

Вот!

Мечислав улыбнулся.

– Самая лучшая. И ревновать ты не будешь. У тебя не будет на это времени.

У него это получилось так по-человечески, что у меня на глаза чуть слезы не навернулись. Сейчас рядом со мной был не семисотлетний вампир. Не Князь города. А самый обычный мужчина. Нет. Не обычный. Мой. Любимый. Мужчина.

И мне надо так много сказать ему…

Но для этого еще будет время. Для всего будет время. А сейчас…

– А сейчас мне пора в душ и собираться домой. Скоро рассвет.

Мечислав простонал и вытянулся на кровати.

– Боги, иногда я так жалею, что я – вампир.

– Подозреваю, что, если бы ты не был вампиром, мы бы никогда не встретились. Так что не торопись рвать на себе волосы.

Мечислав наградил меня широкой улыбкой. А потом поднялся и протянул мне руку.

– Пойдем. Помогу принять душ.

– Нет уж. Я сама. А то выберемся оттуда мы еще очень нескоро.

* * *

Домой я попала к восьми утра. Так что решила не звонить. Открыла дверь своими ключами, устроилась в гостиной и стала ждать, пока проснется Шарль. Да и просто – надо было отдохнуть.

Ничего не хотелось. Ни бегать, ни готовить, ни суетиться. Ни даже в институт. Придется сегодня прогулять первую пару. Мышцы ноют так, что ой-ой-ой…

А как спать хочется!

Но если я сейчас лягу, фиг меня кто и к пятой паре распихает. Лучше уж напрячься, заползти под контрастный душ – и высидеть три пары. А потом прийти домой – и отключиться по полной программе.

Что я и сделала.

После ледяной воды накатил зверский голод. Шарль все еще мирно посапывал в спальне. Поэтому я решила не греметь кастрюлями. Яичница, мэм! С товарным количеством колбасы, овощами и сыром. Вкусно – пальчики оближешь, если готовить правильно.

Я забросила на сковородку колбасу и принялась тереть сыр.

Донннн!!!

Звонок в дверь меня не порадовал. Кого еще черти с утра несут?!

Пришлось идти открывать.

На пороге обнаружился Рокин. Растрепанный, серьезный и чем-то очень недовольный.

– День добрый. Яичницу будете?

Не дай бог Шарль сейчас вылезет в коридор! С его шрамами и его глазами… ой, мама!

– Добрый, – отозвался Рокин, делая шаг в квартиру. – Буду. И у меня есть серьезный разговор.

– Пройдем на кухню? Не разувайтесь. Дома и так грязно.

Рокин кивнул и последовал за мной.

На кухне он уселся за стол, а я полезла в холодильник за овощами.

– Что случилось? – поинтересовалась я, разыскивая красный перец кубиками.

– Мне вчера позвонили. И сообщили, что ты встречаешься с вампирами.

И какая гадина рот открыла?! Узнаю – убью!!!

Я развернулась.

– А вы поверили?!

Ох. Зря я это… Потому что халат у меня обычный, с вырезом, а волосы взметнулись при повороте. И Рокин округлившимися глазами уставился на след укуса. Совершенно свежий. И с явственным засосом вокруг двух дырочек от клыков. Ну, Славка!!!

– Ю… ля…

Почему-то мне на ум просилось совершенно другое слово. Типа «ой…ля».

А в следующий момент Рокин перешел от слов к действиям. Ухватил меня за руку и подволок поближе к окну.

– И что мы тут имеем? След от укуса. Свеженький. Явно сегодняшний. Клыки, расстояние… так взрослый вампир. Юля, кто?!

Я фыркнула. Попыталась выдернуть руку, но куда там.

– Не ваше дело.

– Ты действительно легла под Князя города?! Да?!

И ЭТО?! Нет, ну кто настучал?! Поймаю – сварю суп из дятла!!!

– Пусти по-хорошему!!! – рявкнула я. Страха не было. Была здоровая злость. И она же провоцировала на не самые умные поступки. – А под кого мне было ложиться?! Под вас с ИПФ?! Да пусть лучше вампиры!!! Те хоть мозги мне не едят!!!

Вот на этой трагической фразе на кухню и явился Шарль.

Увидев картину маслом – я с заломленной рукой у окна, на моем лице злое выражение, Рокин что-то разглядывает на моей шее – дракон не стал выяснять, кто тут прав и кто виноват. А мгновенно перешел в атаку.

Я ощутила, как на моей талии смыкаются сильные пальцы. И обнаружила себя сидящей за столом. А Шарль без особого усилия держал ИПФовца за горло.

– Вот только дернись…

Рокин попытался полезть куда-то в карман, но Шарль, без особых усилий удерживая его одной рукой, другой перехватил его кисть.

– Юля, ты цела?

– Да. Отпусти его, пожалуйста.

– Он поднял на тебя руку.

Шарль сообщил это таким тоном, как «Казнить. Нельзя помиловать».

– Он не хотел. Отпусти его, пожалуйста.

– А может, не надо? Это же ИПФовец.

Я вздохнула.

– Алекс, пожалуйста…

Хотя могла бы спокойно называть Шарля – Шарлем. Про контактные линзы дракон просто забыл, спал он вообще в одних плавках, а про халат, конечно, и не подумал. Поэтому Рокин мог любоваться всей коллекцией драконовских шрамов и явно нечеловеческими глазами.

Шарль нехотя разжал пальцы. Полупридушенный Рокин свалился на пол кулем муки. Я вздохнула.

– Алекс, пожалуйста, сходи, оденься. Константин Сергеевич, поднимайтесь с пола. Сядьте. Сейчас выпьем чаю и поговорим. Никто вас не убьет. Обещаю. Только за руки меня больше не хватайте.

Рокин смотрел на меня глазами лани, которую изнасиловал крокодил.

М-да. Накрылся мой институт на сегодня.

* * *

Спустя полчаса за столом сидела милая компания. Я с огромной чашкой кофе (голова решительно отказывалась работать, и я хотела подстегнуть мозги). Шарль со стаканом сока. И Рокин с бокалом коньяка. Все трое глядели друг на друга и молчали. На сковородке печально благоухала поджаренная колбаса. Разговор пришлось начинать мне.

– Константин Сергеевич, кто вам все это рассказал?

– Не знаю, – меланхолично пожал плечами Рокин. – Звонили на сотовый. Номер не определился. Сказали буквально пару слов – и бросили трубку.

– А вы с утра решили проверить анонимку.

– М-да, – подвел итог Шарль. – Что делать будем?

– Учтите, в конторе знают, куда и к кому я пошел. Так что убить меня незаметно не удастся.

– Да я вас вообще не хочу убивать, – возмутилась я. – Константин Сергеевич, вы хороший человек, просто работаете в плохой компании…

– А что – вампиры – лучше?!

– Выбор между прокисшим и протухшим, – пожала я плечами. – А вампиры… Константин Сергеевич, у меня не было выхода. Так уж получилось.

– Да неужели? И давно это… получилось?!

– Нет. Понимаете, я полюбила.

– ВАМПИРА?!

Судя по выражению лица Рокина – полюбить даже Джека-Потрошителя было меньшим грехом.

Я пожала плечами.

– А мне плевать на его расу. Я полюбила его душу, а не внешность или клыки.

– Юля, ты же читала журналы. Вампир – это нежить. Ходячий мертвец.

– Разумеется. А я – нечисть, – огрызнулся Шарль. – А ты – идиот.

Я подняла руку, останавливая склоку.

– Спокойно. Константин Сергеевич, я сделала свой выбор. Пусть неправильный, но он – мой. Вы сделали свой выбор. Что вы мне предлагаете? Убить тех, кого я люблю, с кем дружу, кому спасала жизнь, и кто спасал жизнь мне?! Убить просто потому, что ТАК НАДО?! Вам надо? А Гитлеру евреи мешали. И все, кто не арийцы.

– Все, кто не арийцы, не убивали людей.

– А сколько погибает каждый день в катастрофах? В пьяных драках? От бытовых причин? Не надо передергивать. Ни один вампир не изобретал атомную бомбу. Они убивают, но далеко не все. И не всегда. А если и… вы тоже не вегетарианец! Спросим у коровы – кто вы в ее глазах?

– Юля, не надо демагогии.

– Вот именно. Не надо. Я не стану хуже думать о них из-за оригинальной диеты.

– А какой диеты придерживается твой охранник?

Шарль сверкнул алыми глазами.

– А я – дракон. И с удовольствием кушаю людей. По три штуки в день. Предпочитаю детей – там мясо нежнее и не такое прокуренное и пропитое.

Я треснула кулаком по столу. Кофе выплеснулся так, что я едва успела отдернуть руку.

– Ты у меня договоришься!

– А почему бы нет? Я УЖЕ зачислен в нечисть. Почему бы не оправдать высокое звание?

Кой ты нечисть, ты свинтус натуральный! Мог бы и не усугублять!

Рокин смерил Шарля заинтересованным взглядом. Видимо, изумление перешло все допустимые границы – и схлынуло. Рокин опять был вполне адекватен.

– Драконы – вымерли. Это доказано…

– Чушь. Я вполне жив.

– Здоров, упитан и невоспитан, – дополнила я.

– И как вы познакомились с Юлей?

– Она мне спасла жизнь. И оказала честь считаться ее другом.

– Прекрати, – прошипела я. – Чувствую себя героиней мексиканской мылодрамы. Константин Сергеевич, давайте так! Я ничего не могу вам запретить. Убить вас я тоже не могу. Рука не поднимется.

– Передоверь мне? – предложил Шарль.

– Ты этого тоже делать не будешь. Я запрещаю. Я хочу, чтобы в ИПФ остался хотя бы один порядочный человек.

– Юля!

На этот раз возмутились оба. Хором. Я покачала головой.

– Нет. Константин Сергеевич. Я отпущу вас. Но попрошу об одном одолжении.

– Да?

– Да. Если будет принято решение о моей ликвидации – или ликвидации кого-то из моих родных, я хочу, чтобы вы дали мне об этом знать.

Рокин несколько минут просто сидел и смотрел на меня. А потом коротко кивнул.

– Ты не передумаешь?

– Нет.

– Я что-то могу сделать, чтобы ты поняла…

– От любимых не отказываются, – я пожала плечами. Хотя… а кого я сейчас имею в виду? Мечислава? Даниэля?!

Один черт! Оба вампиры. И от обоих я не откажусь. Никогда.

– Хорошо. Если будет принято решение о ликвидации – я дам тебе знать. Но о большем не проси.

– Не стану. Мне приятно было с вами общаться, Константин Сергеевич. Жаль, что все так закончилось.

– Мне тоже очень жаль, Юля. Прощай.

– Прощайте.

Рокин тяжело поднялся со стула и вышел с кухни. Хлопнула входная дверь. Шарль покачал головой.

– Не стоило его отпускать.

– У нас не было другого выхода. Я не могу заставить его все забыть…

– Почему же? Я могу устроить ему продолжительную кому.

– Шарль, ты опять забыл про достижения науки и техники. Письма уже ушли в прошлое. Зато появились сотовые. Интернет. Он мог оставить сообщение где угодно. А когда оно всплывет – нам неизвестно. И вообще… где гарантия, что наш анонимщик не позвонит кому-то еще? Нет, убийство не выход. Мы и так выиграли лучшее, что могли. Известность о предстоящем ударе.

– А ты уверена, что он не обманет?

– Уверена. Константин Сергеевич, вопреки своей работе, очень порядочный человек. Даже странно, что настолько.

– Как знаешь. Но нам надо все это рассказать Мечиславу.

Я кивнула.

– Вечером.

– Вы с ним… – Шарль неожиданно принюхался, потом всмотрелся во что-то на моей шее – ха, во что-то! Да в тот самый засос! – Ты и он… вы…?

– Да. Эту ночь. Почти всю ночь, – подтвердила я. А какой смысл оправдываться? Выражение лица Шарля стало таким… так старший брат смотрел бы на младшую и глупую сестренку.

– Юля, ты уверена?

– Нет. Но и выбора у меня не было.

– Разве?

– Чтобы уйти от прошлого, надо сделать хотя бы один шаг в будущее. Разве нет?

– Разве да. А ты уверена, что Мечислав – твое будущее?

– А ты уверен, что он позволит появиться в нем другому мужчине?

Шарль покачал головой.

– Нет. Не позволит. Но я бы не хотел, чтобы ты пожалела.

– А как бы я не хотела жалеть…

Я вздохнула. Потерла лоб. Голова болела со страшной силой.

– Шарль, давай так. Завтрак на плите. Сегодня вечером у нас ужин с моей семьей. Мать и дед. Форма одежды – джинсовая. Позвони, пожалуйста, Леониду и Валентину и расскажи им про визит Рокина. Чтобы рядом со мной появлялось

поменьше оборотней. Если меня начнут проверять, они могут тоже пострадать. Ты понял, Настя, дети…

– Понял. Позвоню. А…

– А я пошла спать. Слишком этого много для меня.

Я развернулась и потопала в спальню. Задернула тяжелые темно-зеленые шторы. Упала лицом в подушки, изображающие ягоды. Спать. Спать, спать, спать…

Темнота и покой. Как хорошо просто – спать…

* * *

– Батюшка, у нас серьезные проблемы.

– Да, сын мой?

Рокин излагал все, что узнал о Ю. Е. Леоверенской. Внешне спокойно, не запинаясь на каждом слове, не дергаясь и не прерывая рассказа. А внутри у него все кипело. Рокин просто не мог понять – что с ним происходит. С одной стороны – вампиры. Нечисть. Нежить. Нелюдь. Мразь!!!

С другой…

Он неплохо относился к Юле. Молоденькая девушка. Веселая, чистая, наивная… Такой была и его Тамара, пока не…

Неважно! Не надо сейчас вспоминать об этом! Важно другое! Надо вырвать чистую душу из лап созданий сатаны! Надо сделать все, чтобы она забыла об этой нечисти, как о самом страшном кошмаре в своей жизни. И Рокин говорил и говорил, не слишком уже и обращая внимание на ре-

акцию собеседника.

– И это ее окончательное решение, – закончил он свой монолог.

Отец Михаил долго сидел молча. Потом кивнул своим мыслям.

– Еще одна загубленная душа…

– Нет! Вы неправы!

– Неужели?

– Да. – Рокин понимал, что спорить не стоит, но и остановиться не мог. – В ней нет зла. Она запуталась. Не может разобраться. Находится под дурным влиянием. Но в то же время… я разговаривал с ней – и могу утверждать точно. Она просто… в заблуждении… Не знаю, как лучше сказать.

– Как ни скажи. Мы упустили эту душу.

– Мне кажется, если дать ей возможность, она может осознать истину.

– Полагаете?

Рокин пожал плечами. Он верил в Юлину доброту. Но…

– Я думаю, это будет нелегко. Но постараться стоит.

– Да, вы говорили. Она очень сильна. А у нас не настолько много одаренных женщин, чтобы ими разбрасываться.

– Именно!

– Что ж, Константин Сергеевич. Я постараюсь поговорить с ней в ближайшее время. Вы можете идти.

Рокин кивнул.

– Юля – неплохой человек. Умный, добрый, честный. Она могла бы соврать мне, но не стала этого делать. Могла бы приказать – и меня бы убили. Но и на это она не пошла.

– Из благородства – или она думала о своей выгоде?

Рокин задумался. И сказал, осторожно подбирая слова:

– Она была слишком устала и слишком ошарашена моим визитом, чтобы думать о своей выгоде. Мне так кажется.

– Думаешь, мы могли бы вернуть ее в руки Господа нашего? И в самой загубленной душе еще остались ростки святого?

Рокин пожал плечами.

– Почему бы нет.

– А анонима так и не установили?

– Нет.

– Плохо. Поработайте над этим вопросом.

– Будем работать. Разрешите идти?

– Идите.

Отец Михаил долго сидел после ухода Рокина. А потом снял трубку телефона.

– Брат Павел, у нас серьезная проблема на проекте «Леопольд». Я полагаю, что имеет смысл поговорить с сестрой Марией…

* * *

Я проснулась около четырех часов. Отдохнувшая, успо-

коившаяся, довольная собой и жизнью. Ладно, жизнь особо не радовала. И что предпримет ИПФ – тоже неизвестно. Но выбора нет. Я же не могу превентивно подорвать все церкви в нашем городе?

То есть могу, но смысла нет. Из других городов понаедут. И все. Никакой выгоды, одно сплошное расстройство. Но я ведь ожидала этого с самого начала. Нельзя сидеть на двух стульях. Нельзя.

Нельзя стоять на двух досках, если те перпендикулярны друг другу. Сначала-то можно, но потом ты сделаешь шаг, другой – и просто упадешь с них.

Но с Мечиславом надо поговорить по этому поводу.

Я поднялась и поплелась в душ. Чтобы выйти оттуда свежей, умывшейся и как говорила мама, «смывшей все дурные мысли».

Шарль сидел за компьютером. И судя по треску клавиш, активно общался с кем-то в чате. По моему совету он зарегистрировался на куче сайтов. И старался общаться с народом. Ведь нигде не увидишь столько истинных лиц и столько масок, как в Интернете. Нигде не услышишь столько жаргонных словечек. А иногда… нигде не увидишь и столько свиных рыл.

Я подошла и пригляделась.

– Это еще что за герой дня без галстука и трусов?

Шарль резко развернулся.

– Проснулась. А я тут воюю.

– А повод?

Дракоша проказливо улыбнулся.

– Понимаешь, есть тут один кретин! И он всем хвастается, какой он умный.

– А кто диагноз ставил?

– Я. Этот тип живет весьма однообразно. Дом – работа, дом – работа. Встречается с какой-то несчастной девушкой раз в неделю. Вечером приходит – и заваливается на диван. Смотреть кино или трепаться в Интернете. И больше ничего. Ни спорта! Ни кино! Ни живого человеческого общения. Ни интересов. Только что раз в год ездить на отдых. И так искренне расхваливает свой образ жизни…

– Мало ли таких?

– Много! Но разве это повод для одобрения?! Вот смотри! И он мне еще расхваливает, как хорошо живет! Жрет и пьет, что попало! Спит с кем хочет! И делает, что хочет!

– И что тебе не нравится? Прекрасное хомячье существование! Хомяки в клетке так и живут. И ни о чем не думают…

– Юля, а ты понимаешь, что для мужчины – это неправильно?

– Понимаю. И что?

– Как – что?! Мужчина должен к чему-то стремиться, чего-то добиваться, оставить о себе память на земле, посадить дерево, вырастить ребенка, построить дом…

– Ну вот. Этот человек тебе скажет, что ему хватает работы…

– Но это же неправильно!

Я пожала плечами.

– Таких много.

– Но лучше они от этого не делаются! Такие люди… это как ржавчина! Они разъедают волю к борьбе! Уничтожают все стремления! Зачем двигаться, если на диване – лучше?! Если бы я таким был, я бы сломался на второй день жизни в плену!

– Ты не такой. И я тоже. Но есть и такие люди. Как гомосексуалисты, лесбиянки и некрофилы. Вот и этот так же…

Тихо звякнули колонки, извещая о приходе нового сообщения.

Шарль открыл его – и спустя секунду негодующе фыркнул.

Я пригляделась – и рассмеялась.

Шарль, видимо в ответ на аргументы по защите права жрать и спать, написал товарищу, что тот ведет существование хлебной плесени. Та как-никак тоже живет, жрет, гадит и размножается. Только что не отстаивает свое право на эти важные дела. И теперь откуда-то из страшного далека несся негодующий вопль оскорбленного в лучших чувствах размноженца, цитирую дословно: «Я плесень?! Да это ты… и… плесень хлебная! А я – носорог! Наступлю и растопчу, если на дороге встанешь! Это мы, хамы, эгоисты и себялюбцы, по-настоящему любим жизнь, рвем ее зубами, жрем ее, получаем удо-вольствие, добиваем слабых, и нас большинство,

процентов 85… Все люди на улице здесь носят маски, а на анонимных сайтах маски слетают. Просто во мне это сильно намешано – по материнской линии плебейская кровь, а по отцовской – голубая. Поэтому я временами плебей, а временами рыцарь, бывает благородство вылезает. Поэтому я разный, двуликий. Вот такая странная история доктора Джекила и мистера Хайда…»

Шарль фыркнул – и опять застучал по клавиатуре.

– «Да не любите вы жизнь. И она вас не любит. И никакого от вас в этой жизни толку. И то, что ты мне описываешь, – желание зажравшегося быдла. Жрать, спать, трахаться – и ничего не нести. Ни нового, ни интересного, ни даже важного. И не надо говорить про рыцарство и благородство. Крестьянок во все времена брюхатили, только в их детях ничего особо не вылезало. Аристократ – это человек, для которого важнее всего служение своей стране. А ты служишь, что ли? Да тебя слушать противно. Таких, как ты, надо врагу дарить, чтобы породу ухудшать… аристократ! Аристократами становились те, кто жизни своей не жалели для родины. А ты и соплей пожалеешь. Аристократы все делали, чтобы мир вокруг стал лучше, а тебе – хоть планета рухни, лишь бы с дивана не вставать! Люди носят маски, факт. Только вот у одних из-под маски показывается лицо, а у других – свинячье рыло. Доктор Джекил по крайней мере мечтал что-то для людей сделать. А ты? Трижды ха! С такими, как ты, и говорить не о чем. Одна надежда – что не размножитесь!»

Поставив в конце восклицательный знак, дракоша скинул сообщение, вышел из чата и выключил компьютер. И улыбнулся мне.

– Так их?

Я подмигнула в ответ.

– И только так!

В конце концов, психолог стаи Тигров, Ирина, посоветовала Шарлю конфликтовать как можно больше. Чтобы скорее избавиться от страха наказания. Или что-то в этом духе. Компенсировать века покорности… Вот он и наверстывал, от души отрываясь на сайтах.

Ладно, бывает…

– Ты как – морально готов к встрече?

Шарль пожал плечами.

– Но выбора у меня нет, так ведь?

– Есть. Но он тебе не понравится.

Дракоша фыркнул.

– Ладно. В общем, я готов.

Я оглядела Шарля. Дракоша был одет даже немного официально. Черные джинсы, белая рубашка, белые кроссовки, волосы связаны в хвост, контактные линзы не забыты…

Симпатяшка!

– Пробежимся еще раз по легенде?

– Вроде бы я все помню.

– Точно?

– Точно. Юля, не забывай, сколько со мной занимались

психологи.

– Тогда можем идти.

И мы полезли в соседний подъезд через чердак.

* * *

Дверь нам открыл дед. Подмигнул мне, протянул руку Шарлю…

– Приветствую. Готовы к страшным пыткам вилками?

– Дед шутит, – вмешалась я, заметив, как побледнел дракоша. – Он имеет в виду, что на столе будет не меньше трех вилок, а вот выбрать из них нужную – задача для сильных этикетом…

Шарль ощутимо расслабился.

– Привыкай, – посоветовала я. – У нас то еще семейство.

И начался кошмар. Для нас обоих.

В коридор вышла мама. Поздоровалась. И утащила нас в гостиную. То есть сначала в гостиную, а потом под предлогом «помощи на кухне» отсекла меня от Шарля и уволокла допрашивать.

И началось.

Где познакомились? Сколько времени встречаетесь? Почему раньше не сказала? Какие у него намерения? Куда зашли ваши отношения? Куда ты хочешь их завести? И коронное – пач-чему не доложила раньше?! Мама определенно упустила свой шанс. Ей бы в КГБ работать! На третьем часу

допроса сознавались бы все. Включая конвойных.

Дед о чем-то разговаривал с Шарлем. Я подозревала, что он уже узнал все от Мечислава. И просто подыгрывал дракону.

Зато мама оторвалась всерьез. И я не могла ее винить. Сколько бы нам лет ни исполнилось, а для родителей мы всегда будем только детьми. И они всегда будут заботиться о нас. Это – нормально.

За столом царила атмосфера радушия и спокойствия. Просто – семейный ужин. Почему бы нет? Шарль ощутимо расслабился. И я тоже. Мы беседовали о чем-то отвлеченном, вроде последней выставки художника Петлицкого…

И я далеко не сразу поняла, что из соседней комнаты доносятся какие-то странные звуки. Типа «кап… кап… кап…».

Первым это понял дед. Прислушался – и помчался в кабинет. И оттуда донесся трехэтажный мат.

Мы рванули вслед за ним.

Абзац котенку.

С потолка медленно капали капли воды, собираясь на полу в широкую лужу. По стенам кое-где сбегали ручейки. Под ногами непринужденно хлюпал ковер.

– Твою… мать!!! – высказалась я.

Торжественный ужин закончился, не разгоревшись. Мы остервенело бросились спасать документы.

А мама помчалась скандалить к соседу сверху.

* * *

Домой мы вернулись ближе к двенадцати ночи.

Скандала не вышло. Сосед был пьян, извините, как ягодичная мышца в гостях. Видимо, он вернулся – и не нашел ничего лучше, как завалиться в ванну. Открыл воду, разлегся прямо в одежде, одежда и намокла. Заткнула слив, в результате потекло на пол, потом перехлынуло через порог – и полилось в коридор и гостиную, которая располагалась как раз над дедовым кабинетом. Полилось бы и дальше. Почему? Да потому, что этого алканавта мы так и не добудились.

Когда мама прибежала вся возмущенная, Шарль поглядел на нее, вздохнул – и пошел наверх. Достал из кармана какую-то железку, поковырял ей в замке… я и не знала, что дракоша так умеет?

– У меня был опыт, – тихо пояснил Шарль.

Там мы и нашли этого борова. Дрых в ванне. Не утонул, потому что, простите – сто пятьдесят кило такой туши в обычную ванну просто не влезали, у него была угловая. И со специальным подголовником.

Судя по лицу деда, он испытывал сильное желание утопить идиота – и списать на несчастный случай. Я тоже. Но – мама нам не позволила бы.

Итог – затопленный кабинет. И бумаги деда, переехавшие в мамину рабочую комнату.

Ближе к двенадцати дед оглядел весь этот кошмар, вздохнул – и подвел итог:

– Юлька, выбирай. Либо старшие родственнички, либо младшие.

Я закатила глаза – и выбрала младших. Пусть дрыхнут в гостиной. А мы с Шарлем будем в спальне.

Семейный ужин определенно удался.

Я не шучу. И мама, и дед оценили Шарля по достоинству. Именно на фоне борьбы со стихией.

А дома меня ждал сюрприз.

Сюрприз был зеленоглаз, черноволос и улыбчив. Белые клыки посверкивали из-под алых губ. Он сидел на диване и листал газету.

– Юля, а сегодня твое предложение еще действительно?

Я послала Мечиславу нежную улыбку.

– И сегодня, и всегда…

– Отлично. Я пришел пообщаться. И лучше – наедине.

Шарль поглядел на меня. На Мечислава. Опять на меня. И пожал плечами.

– Я позвоню сейчас Валентину – и удеру в клуб. Вернусь утром.

Мечислав кивнул ему.

– Отличное решение. В «Три шестерки»?

– Пожалуй.

– Я вернусь, а ты поедешь сюда.

– Договорились.

Шарль подмигнул вампиру и вышел за дверь. А Мечислав тут же сгреб меня в охапку.

– Юленька… я соскучился…

Я хотела было сказать про ИПФ, про родственников… но тут вампир каким-то образом добрался до моей шеи, прошелся губами вдоль ключицы – и я махнула рукой на все эти мелочи… потом… все потом…

Оказывается, я тоже очень соскучилась…

Спустя полтора часа мы лежали на разоренной кровати. Я уютно устроилась на плече у Мечислава, вампир обнял меня одной рукой, а второй рисовал на моем мокром от пота плече замысловатые узоры.

– Теперь я верю, что вчерашняя ночь мне не приснилась.

– Она не приснилась, – вздохнула я.

– А почему так грустно? Неужели ты уже жалеешь?

– Нет. Не жалею. Но у нас проблемы.

– Вот как?

Мечислав мгновенно собрался. Словно… лежал пушистый котик – и вот, в одно мгновение перед тобой хищный клубок из когтей и мускулов, готовый к прыжку в любую минуту.

– И какие же у нас проблемы?

– Тебе с мелкой – или с той, что покрупнее?

– Начни с мелочей.

Я пожала плечами. И принялась выкладывать.

Визит родственников заставил вампира фыркнуть.

– Юля, твоя проблема яйца выеденного не стоит. Шарль – твой парень. Вы живете вместе, на что имеете полное право. Кто не верит – пусть читает гражданский кодекс. Кому не нравится – пускай отравится. Шарль вполне может за себя постоять. Судя по тому, что я видел.

– Да, за последние месяцы он прогрессировал. И теперь может ответить шуткой на шутку, колкостью на колкость и даже не убить оппонента в процессе спора.

– Из тебя вышел бы неплохой психолог.

– Эй, попрошу меня не оскорблять! Псих, олух… наглость какая!

– А почему нет? Или биолух лучше? Ты никогда не думала переквалифицироваться?

– Нет. Мне неинтересно копаться в чужих мозгах. Разве что в анатомичке.

Мечислав улыбнулся.

– Юля, ты невозможна. Но твои родственники действительно не проблема. Я распоряжусь. Либо я, либо Вадим будем приходить к тебе с визитом. А загипнотизировать пару сопляков – это такие пустяки! Какие бы конфликты ни возникали – твое дело продержаться до вечера. А там мы все исправим.

У меня камень с души свалился. Действительно, чего я переживаю? Штучки с сознанием вполне во вкусе вампиров. Если мы к вечеру и погавкаемся с Лешей или Лелей, к утру

они все равно будут считать меня лучшим человеком на земле. И забудут все лишнее.

– Вот именно. Какие у нас еще проблемы?

– ИПФ…

После рассказа о Рокине в комнате повисла давящая тишина. Потом Мечислав чертыхнулся, встал в кровати и заходил по спальне. Взад – вперед, взад – вперед. Места было не очень много, но ему хватило с избытком. Пять шагов туда – пять шагов оттуда.

В кино или на нудистском пляже голые мужчины выглядят некрасиво. К Мечиславу это не относилось. Даже голым его назвать можно было с большим трудом. Только – обнаженным. А еще – взять в руки кисти и краски. И выпасть из реальности на пару часов…

– Юля, ты понимаешь, что подвергаешь себя опасности?

Я пожала плечами.

– Понимаю. Но выхода не вижу.

– Надо было убрать этого Рокина, пока он еще никому не рассказал!

– А потом наш аноним позвонит следующему. И еще кому-то. И еще… Угадай, кто закончится раньше – мы или ИПФ?

Мечислав сверкнул глазами.

– М-да! Вот войны нам в городе и не хватало! Но что ж это за падла?! Найду – живьем зарою!

Сейчас, когда вампир перестал себя контролировать, он

выглядел еще более сексуально. И я ощутила, как внутри меня шевельнулось желание…

В каждой, самой сильной, умной и независимой женщине где-то в самой глубине ее независимой души живет жертва. И каждая женщина хоть раз в жизни мечтает почувствовать себя госпожой – и рабыней, жертвой – и укротительницей дикого зверя.

Я не стала исключением.

Но не стала и бросаться вампиру на шею с воплем «Возьми меня!!!». В стандартной комнатушке это закончилось бы моим близким контактом со шкафом. Или полом. Уж куда впишусь. Вместо этого я тихо-тихо позвала:

– Слава…

Мечислав резко развернулся ко мне.

– Да?!

– Жизнь продолжается. Мы здесь, мы вместе… разве этого мало?

Зеленые глаза горели яростными огоньками.

– Мало?! Этого очень много. Но… Юля, ты понимаешь, что ИПФовцы могут сделать все, что угодно?

– Могут, – согласилась я. – Но выбора у нас так и так нет.

– Надо сообщить в Совет.

– В Совет? Зачем?! Мало нам Альфонсо?!

Мечислав тряхнул волосами.

– Юля, старательно отгораживаясь от чуждого тебе мира, ты многое упустила. Но ты же умная девочка. Вот подумай

сама, сложно ли вычислить вампира?

Я подумала. Выходило, что при наличии техники и технологии – не очень. Я как-то раньше об этом не задумывалась, но…

– Возможности есть. Но, тем не менее, нас всех пока не перерезали. Почему?

– Чтобы было на кого охотиться? Добро и зло?

Мечислав тряхнул головой. Черные волосы разлетелись по золотисто-смуглым плечам шелковыми волнами, блеснули в свете лампы… и до безумия захотелось зарыться в них пальцами. И ни о чем не думать. Просто смотреть в удивительные зеленые глаза над собой – и улетать туда, где нет ничего и никого. Только он и я.

– И это тоже. А кроме того… Нас мало. Да. Но каждый вампир стоит десяти человек. Они налетят на гнездо – мы на церковь. Они вырежут десять наших – а мы сто священников. А опыта и цинизма у нас побольше. Поэтому…

Я кивнула.

– Понятно. Россия, Америка, Китай. У Америки технология. У Китая прорва народа. А у нас загадочная русская душа. Но равновесие стараются соблюдать. Потому что, если сцепимся – на земле уцелеют только тараканы.

– Конечно, это утрированно, но очень близко.

– Тогда мне особо ничего не грозит?

– Если бы… Официально – не грозит. А вот что могут придумать эти крестово озабоченные – не знает даже их бог!

– Их бог? – уцепилась я за оговорку. – А не твой?

Мечислав тряхнул волосами.

– Я родился давно. И никогда не верил в Христа. И никогда не стану.

– А вообще ты в кого-то веришь?

– В себя. В тебя. В то, что бог помогает тем, кто сам себе помогает.

– И вообще на стороне больших батальонов?

– И в это – тоже.

– А правда, Славка, когда ты родился? Тебе сложно сказать? Да?!

– Больше семисот лет назад, – отрезал вампир.

Я шлепнула рукой по покрывалу.

– Славка! Ну что это такое!

– Юля, дай подумать.

Я фыркнула. Развернулась и уткнулась носом в покрывало. Пусть любуется на мою попу, если отвечать не хочет! Вот!

Я совсем забыла, что не стоит подставлять противнику беззащитный тыл.

Если кто не знает, вампиры передвигаются абсолютно бесшумно. Поэтому я даже дернулась от неожиданности, когда мои бедра сжали крепкой хваткой, а на левой ягодице запечатлели то ли поцелуй, то ли укус.

– Ой! Ты что делаешь?!

– Издеваюсь! Что непонятного?!

– С особым цинизмом издеваешься – или как?

– Конечно, с особым.

На этот раз легкий укус достался второй части седалища.

– Ага. Ой. А перевернуться можно?

– Нет. Даже и не надейся. Лежи теперь – и мучайся. И неизвестностью, и…

– Буду мучиться и страдать, – охотно согласилась я, утыкаясь головой в подушку. Хватка чуть ослабла, и ловкие пальцы скользнули между моих ног. – Только учти, что мне на этом месте еще на лекциях сидеть.

– Вот и прекрасно. Будешь на лекциях думать обо мне. А теперь расслабься – и получай удовольствие…

Шепот скользнул бархатом по моей коже. Жаркий, соблазняющий, искушающий… да и сам Мечислав был искушением в чистом виде. Сильно подозреваю, что если бы в Эдемском саду на дереве оказался он – яблоко бы не понадобилось. Ева и так бросила бы Адама. Еще бы и весь сад вынесла. На что мы женщины способны ради любви…

В эту секунду Мечислав заскользил языком по всей длине моего позвоночника – и я отбросила все посторонние мысли. Подумаю об этом потом. Завтра. Или через неделю… да, вот так, пожалуйста… еще… да…

* * *

Мечислав смотрел на лежащую рядом с ним женщину. Юля уснула, утомленная, а у него было еще несколько часов

до рассвета. И множество дел. Надо выяснить, что и кому известно. Найти анонимщика и вырвать ему все внутренности. Дать задание оборотням, чтобы охраняли и Юлю и Шарля. И его фамильяр, и дракон слишком ценны, чтобы их потерять.

А еще хорошо бы выяснить, что произошло с Юлей. Почему она вдруг так поступила? Почему пришла к нему? Почему пригласила в свой дом, в свое тело, в свою жизнь?

Где тут подвох?

За время общения с Юлей Мечислав отлично понял, что такое американские горки. Да не простые, а с тигром в одной кабинке с тобой.

Вчерашнее поведение женщины стало для него неожиданностью. Он просто терялся в догадках.

Юле такие порывы несвойственны. Факт.

А если учесть, как она боролась за свою свободу, не уступая и сантиметра, как приходилось выцарапывать у нее то, что должно было принадлежать ему по праву, учесть ее упрямство и послед-вательность… нереально!

Нереально, черт возьми!

Что же произошло с ней?!

Что могло случиться такого?!

Вроде бы последние пару дней Юля провела, как обычно… если только поговорить с Надей? Но опять же, Юля могла и не рассказать ей всего.

Мечислав пожал плечами и набрал номер.

Надя ответила почти сразу.

– Ваша светлость, мой поклон…

– Очаровательная дама, хорошо ли вы проводите вечер?

Мечислав чуть улыбнулся, подыгрывая девушке. Он вообще симпатизировал этой лисичке. Она неплохой человечек. Не подлый, не злой, не мстительный… а остальное – приложится.

Человеческие качества намного важнее умения правильно кушать рыбу или цены штанов. Можно переодеть принца в нищего и наоборот, но ни один бриллиант не сделает ножку маленькой, а душу – большой. Ни один…

– Благодарю вас, ваша светлость, просто чудесно. Какой вопрос вы хотели мне задать?

Мечислав чуть улыбнулся. Два реверанса, улыбка – и к делу. Знает, что просто так он звонить не будет.

– Ты вчера говорила с Юлей, так ведь?

– Да. Вы сейчас вместе?

Надя даже не удивилась вопросу. А заданный ей свидетельствовал, что Юля все-таки говорила с ней. Советовалась… рассказывала о своих планах…

– Да. Она спит.

– Умаялась, бедняжка?

– Надя…

– Ваша светлость, – тут же исправилась девушка, – мы действительно поболтали с Юлей. Как она объяснила, она наконец-то смогла отпустить Даниэля. И решила, что на-

до идти дальше.

– И все?

– Увы… ничего более. Только шаг вперед. К вам. Разве это плохо?

– Не плохо. Непонятно.

– И тем не менее… Юля хочет жить дальше. Помогите ей! Неужели это сложно?!

– Не сложно. О чем вы вообще говорили?

– Юля призналась, что смогла отпустить Даниэля. А я посоветовала ей, чтобы уж наверняка, надеть юбочку покороче и прийти к вам в гости. Она последовала совету?

– Последовала. Спасибо, благодетельница…

– Не злитесь. Юля хотела как лучше…

Мечислав нажал кнопку отбоя. И едва удержался, чтобы не запустить ни в чем не повинный сотовый в стену.

Черт!

Просто… так?!

Просто в один прекрасный момент две соплюшки решили, что он хорошо подходит на роль… на какую?!

Раз уж они все равно связаны, то проще дать, чем упираться?!

Так, что ли?!

Мечислав зашипел сквозь стиснутые зубы от злости. Но крушить мебель и биться головой об стену в припадке ярости не стал.

«Почему меня это так разозлило?» – вдруг подумалось

ему.

Обычно вампир и предпочитал именно такие отношения. Легкие, спокойные, ни к чему не обязывающие. Доставили друг другу удовольствие – и разошлись без взаимных претензий. Так получалось очень редко, но вампир вспоминал о таких женщинах с нежностью. Его ужасно раздражали истерички, которые что-то требовали, просили, выясняли… неужели не ясно?! Все! Он ушел! Что еще?!

Мужчина не собака, на цепь не посадишь!

А сейчас он злился… почему?!

Что он хотел бы от Юли? Чтобы она бегала за ним?! Страдала?! Умоляла?! Устраивала скандалы?!

Нет?!

А что тогда?!

Мечислав задумался. И вдруг с ужасом понял… ему бы хотелось, чтобы Юля относилась к нему, как к Даниэлю. С любовью. С нежностью. С доверием.

А не просто утилитарно: сделал дело – можешь быть свободен!

От Юли ему нужна была любовь.

Но почему?!

Мечислав боялся додумать эту мысль до конца. И звонок телефона воспринял как подарок свыше.

Звонил Владимир.

– Шеф, тут пришла интересная информация. Не хотите посмотреть?

– Хочу. Сейчас приеду.

Мечислав бросил нежный взгляд на спящую девушку. Юля лежала на спине, закинув руки за голову, одеяло сбилось, и была видна бледная грудь с кружком соска. Чуть выше, под ключицей, виднелся красноватый след от укуса, четко выделяющийся на бледной коже. Шрамик от креста… как же ты все это выдержала, девочка…

Вампир обвел шрам кончиком пальца – и не удержался. Наклонился и крепко поцеловал ее.

Юля вздохнула во сне, что-то прошептала – и обвила руками его шею, отвечая на ласку…

Первый поцелуй плавно перетек во второй, третий – и Мечислав махнул на все рукой.

Подождет Владимир. Не полысеет. А у него на ближайший час есть очень важное занятие.

Глава 2
А шарабан катит, колеса стерлися. А мы не ждали вас. А вы приперлися

Меня разбудил Шарль, гремящий кастрюлями и сковородками на кухне.

– Юлька вставай! На лекцию опоздаешь!

Я подорвалась с кровати. Лекции пропускать было никак нельзя. Мне еще экзамены сдавать. И своим умом, а не за деньги. Да если я деду просто скажу: «Дед, оплати мне экзамен?!», его кондрашка хватит!

Или меня хватят чем-нибудь тяжелым. Леоверенские за образование в жизни не платили. Мозгов хватало, чтобы и поступить и учиться самостоятельно. А учиться за деньги… фи!

Я что – дура?!

Примерно с этими мыслями я и неслась до института. Эх, давно права получила, да ездить неохота. Да и машина… а, ладно! Заработаю на колеса – тогда и буду с правами разбираться. Тут обязанности бы разгрести!

Увы. Лекция не порадовала. А точнее не порадовал звонок деда. Аккурат посреди лекции. Хорошо хоть на такой

случай есть автогарнитура. Очень советую. В ухе помещается, телефон дергать не надо, а если что и поговорить можно. Мне Валентин подарил в свое время. Симпатяшную такую, с розочками на зеленом фоне.

– Мелкая, привет!

– Привет, великий предок!

– О, это мне нравится. Так впредь и называй. И кланяться не забудь.

– Поясного поклона хватит?

– Я подумаю. А теперь к делу. Васисуалий с семейкой прибывают через три часа. Поедешь с матерью их встречать.

– Дед!!!

– А что ты хочешь, чтобы мать отдала им ключи от твоей квартиры, и они устроились там, как сами пожелают?!

– НЕТ!!!!!

Второй вопль был как бы не громче первого. Я представила себе, как эта компания вваливается в мой дом, как они там натыкаются на Шарля, как начинают выяснять отношения…

Зная Васисуалия. Зная Шарля…

Мама не пострадает. Но вот все остальные – могут. В зависимости от степени возмущения дракона они запросто могут шесть раз упасть чем-нибудь важным на табуретку. Или просто выпасть из окна. Раза четыре. И ничего дракоше за это не будет! От меня – точно.

Но лучше – не доводить. Если уж на земле есть клопы,

глисты и Васисуалии – для чего-то же они нужны?!

– А раз нет – мать тебя ждет к двенадцати на жэдэ вокзале, – фыркнул дед – и отключился.

– Леоверенская, а о чем вы думаете на лекции? – поинтересовался подкравшийся преподаватель.

– О том, зачем на земле клопы и глисты, – честно призналась я.

Препод только фыркнул. А так как он был полностью адекватен (это вам не Ливневский), то нашелся с ответом сразу же.

– А вы мне напишите об этом реферат. К следующему занятию. Скромненький, страниц на сорок. И узнаем, для чего они в природе. Напишете?

– Нет, – честно ответила я.

– Почему?

– Потому что у нас занятия через два дня. Я не успею.

– Причина?

– А у вас есть родственники из черт знает откуда, которые твердо решили осчастливить вас своим визитом? У меня они есть. И визит состоится сегодня.

Преподаватель поглядел на меня с сочувствием.

– Ничего. Вспомните Сулеймана ибн Дауда, Юля. Это – тоже пройдет.

– Ему явно было легче. Тогда можно было казнить слишком надоедливых. А можно я тогда отпрошусь со второй пары? Поеду на вокзал, встречать…

– Идите, Леоверенская, идите… Но при условии написания реферата.

Улыбку сдержать не удалось.

– Я постараюсь.

– А вы не старайтесь. Думаете, я не знаю, где пасутся студенты? Или вам список сайтов дать, где можно скачать реферат на эту тему?

– Просим, просим, – дружным хором поддержали однокурсники.

– Цыть, нахалы! Леоверенская, все понятно?

– Да.

– Тогда – брысь. А остальным – сидеть и слушать.

– Он не желал ей зла… – пропел кто-то с задней парты.

– Зато я сейчас пожелаю еще один реферат.

Народ заткнулся. Я попрощалась – и выползла наружу. Набрала мамин номер, переговорила – и поехала сразу на вокзал. Так проще.

Что меня добивает в нашем городе – это В. И. Ленин. Стоит он себе на площади Ленина. Хорошо стоит, высоко, ручку вытянул… аккурат в направлении железнодорожного вокзала. Типа: «не нравится – вам туда».

Туда я и поехала. Купила детектив в киоске, уселась на скамейку – и прохихикала над ним полчаса, пока не приехала мама. А что? Интересное чтиво.

Кто сказал, что детективы не могут быть интеллектуальной литературой?

Не знаю… С моей точки зрения, умной и полезной литературой являются даже романы. Да, там много вымышленного. Но много и правды. Был у соседки случай, писательница за него и ухватилась. И рассказала. Или просто вплела в канву повествования свои мысли. Умные – или не очень. Но все-таки…

Да вообще! Бесят меня критики!

Все прилавки засыпаны мусором! Прекрасную русскую литературу, такую, как Чехов, Тургенев, Толстой, вытеснили с наших прилавков разные Мымрины и Хрюмкины! Скоро у читателя вместо извилин останутся одни полоски – и те от панамки…

Ага, как же! Пыталась я читать одного из мэтров – классиков современной концептуальной литературы. Уж как его у нас пиарили, как его у нас хвалили, одно время было, какую волну ни включи – тут же его фамилия из динамика. Двадцать страниц. Первой мыслью было *«не доросла»*. Пятьдесят страниц. Второй – «*переросла*». Конец книги. Третья мысль была самой длинной: «*Блин, убей автора – спасешь дерево!*»

Знаете, читать полторы сотни страниц на каннибально-фекальную тематику меня впредь и аллах не заставит. Я уж молчу про сексуальные извращения, которыми щедро засыпаны книги автора. И я из принципа этого урода не назову! Пусть больше никого от него не тошнит!

А потом я просто решила для себя, что буду читать, что

хочу! Почему – нет?! Кто-то любит мясо, кто-то вегетарианец, а кто-то живет с аллергией на рыбу. Но живет же! И я жить хочу! И буду! И не стану обращать внимание на вопли критиков! Им за это деньги платят! Даже такса, говорят, есть. Столько-то за помои, столько-то за розовую воду. Жизнь…

– О чем думаешь, ребенок? – мама присела рядом, привычно взъерошила мне волосы… и меня вдруг проняло. Я уткнулась носом в ее костюмчик, не обращая внимания на косметику и изумленные взгляды со всех сторон.

– Мам, я тебя ужасно люблю!

– Знаю, – мама смотрела так ласково, что слезы потекли сами собой. – Я тебя тоже люблю, маленькая моя…

– Извини, что я так редко об этом говорю. Я жуткая свинья. Но я очень вас люблю. И я так рада, что у меня есть и ты, и дед…

Мама ничего не говорила. Просто гладила меня по волосам. И противный комок постепенно начал отступать куда-то назад.

Я их люблю. Больше всего на свете. Это – моя семья. И если понадобится – я ИПФовцам глотки зубами буду рвать. Но! **Моя. Семья. Неприкосновенна.**

И если мне понадобится убить кого-нибудь для лучшей доходчивости этого постулата – я сомневаться не буду. А ведь мое признание в связи с вампиром и их подставляет под удар. Убить меня за такое мало…

Маме я об этом не скажу. Деду скажет Мечислав. Ох…

Славка!

Интересно, что поделывает этот… а как будет «отрыжка семейства» – только мужского рода?

* * *

Станислав Евгеньевич Леоверенский на данный момент валялся на кровати и был весьма и весьма недоволен и кроватью, и квартирой, да и всей своей жизнью – тоже.

Недовольство копилось и зрело в нем уже давно, как раковая опухоль во внешне красивом и здоровом теле. Но если рак можно было вырезать, то недовольство Славка не мог выплеснуть нигде. И никак.

Все началось несколько месяцев назад, весной, когда он попробовал обратиться за помощью к своей (черт бы побрал эту сучку!) сестре. Но тогда все казалось простым и понятным. Впереди – неизвестность. Позади несколько трупов. И куча врагов. А рядом с тобой – любимая женщина. И надо ее обязательно спасти. Все было красиво. Все было… жизнью! То есть – казалось жизнью, а оказалось – красивым спектаклем.

Жизнь внесла свои коррективы сразу же. Славка, уйдя из дома, за девять лет сильно идеализировал свои воспоминания о родственниках. Деда он помнил этакой скалой. Мать – воздушной, легкой и немножечко грустной. Юльку – мел-

ким ребенком с коротко подстриженными волосами. И совершенно не учел, что прошло столько лет – и все изменились. Хотя… все ли?

Мать он так и не видел. Да и не горел желанием. Лично Мечислав пообещал ему столько всего приятного за подобную попытку, что Славку озноб пробирал от одной мысли.

Дед… дед так и остался жестким и несгибаемым сукиным сыном. На редкость непрошибаемым и упертым. Вот что такого Славка сделал?!

Подумаешь, ушел из дома! А кто, кто бы остался на его месте?! Узнать, что твой дед – и твоя родная мать… гады! Сволочи! Уроды!! Кровосмесители!!!

Как они вообще могли?! Это же противоестественно!!!

Тот факт, что у них ни капли общей крови, Славка благополучно игнорировал. Как и то, что оба Леоверенских были вполне взрослыми людьми. И прекрасно могли разобраться сами. Без него. Но Славка почему-то кипел от ярости.

Возможно, психоаналитик сказал бы, что он помнит бабушку. Помнит отца. Мечтает вернуть утраченную семью. И переживает глубокую душевную травму. А также нуждается в квалифицированной психологической помощи за немаленькие деньги.

Юля обходилась кратким: «Эгоистичный козел». Ее мнение было высказано весьма четко. Данная связь не нарушает законов. Обычаи? Так и снохачество, знаете ли, встречалось. Не афишировалось, но было ведь! Было! И потом…

они счастливы вместе? Они любят друг друга?

Так ЧЕГО вы привязались?! Какого лешего вам еще надо?!

Что бы ни говорило по этому поводу общество, двое людей имеют право на счастье, если они при этом не причиняют зла другим.

И все, все, кого он узнал в последнее время, поддерживали Юлю.

Что самое неприятное, ее не просто поддерживали, потому что она была любовницей Князя города. Ее еще и любили. Ей были благодарны.

Лисы – за Валентина и детей. Тигры относились к ней так, как их вожак. А вожак отлично помнил, как Юля до последнего стояла за других. Не за себя. За други своя. Как держалась против демона. Как выручала незнакомых ей людей. Как защищала свою стаю – в том числе и от Ивана Тульского.

И даже вампиры – эти гнусные твари, в которых от человека была только внешняя форма, и те относились к ней достаточно хорошо.

Они отлично помнили Андрэ. Помнили его жестокость и изощренные пытки, помнили наказания и придирки – и сравнивали его с Мечиславом.

Никто не назвал бы Мечислава мягким и добрым. Этот вампир мог быть той еще сволочью. Но он никогда и никого не наказывал просто ради развлечения. Не придирался, лишь бы придраться. Не пытал никого просто от скуки. И

защищал своих людей перед кем угодно. Совет?!

Пусть!

Это – *его* люди. И он сам разберется, что с ними делать.

Где-то в глубине души Славка даже уважал его. Немного. Но Юля, Юля…

Чем она лучше него?! Чем?!

Якобы силой?! Так это надо еще разобраться, как она ее получила! Может, это вовсе и не ее сила, а вампира. Невелика заслуга – прыгнуть к кому-то в постель…

Хотя… перед собой Славке было сложно притворяться. Он отлично знал, что Юля выросла полностью копией деда. И больше всего не мог ей простить именно это. Не мог и не хотел.

Если бы Славка заглянул к себе в душу, он бы увидел там восхищение собственным дедом. Его решительностью, силой, жесткостью… так мальчики восхищаются книжными героями. Но – не дотягивают до них в реальной жизни. И вроде бы никого это не возмущает. Ясно же, что в книгах все врут. И такого не бывает. А тут… дед был рядом. И Славка знал, что тот никогда не притворяется. Не врет. И дерется до последнего.

А сам не смог.

Именно это грызло его внутри.

Он не принял боя. Он сбежал от реальности, которая ему не понравилась. А Юля осталась.

Он совсем не похож на деда. А Юля – его копия. Он пом-

нил разговор с дедом в его офисе. И помнил Юлю. Помнил одинаково жестокие глаза, одинаково сжатые губы, одинаково вздернутые подбородки… это было не только внешнее сходство. Они оба готовы были драться. И просто давили его, как мелкую мошку. Пока он не сломался.

Он даже отдаленно не был таким, как дед. Он не потянул. Не смог. Вместо него смогла сестра. Встала, приняла груз на свои плечи – и шагала вперед. И ему не было места на ее дороге. Восхищение и ненависть переплетались так тесно, что Славка не мог отличить одно от другого.

Ругайся, не ругайся… он завидовал… и именно поэтому ненавидел. И не мог простить Клару. Даже не Клару, а разрушение мира, в котором он был героем. Спасителем, бросившим вызов оборотням и вампирам. В какой-то миг все перевернулось – и из героя он оказался обычной пешкой. Да еще и непроходной. А так, на размен, чтобы зацепить вражескую королеву. А Юля и была – королевой…

Печальные мысли оборвал телефонный звонок.

– Да?!

– Станислав Евгеньевич Леоверенский?

Славка насторожился. Голос был ему совершенно незнаком. Или все-таки? Где-то он его слышал… кажется…

Лисий слух был намного острее человеческого, но Славка (и это тоже грызло его хуже кислоты) был достаточно слабым лисом. Так, середнячок. Не будь он Юлиным братом, никто и не стал бы… опять – она! Черт!!!

– Да, это я. А вы кто?

– Вряд ли вы меня помните. Мы встречались. И я хотела бы с вами поговорить.

– О чем?

– Вы сейчас один, так?

– Да.

– Я рада этому. Я давно хотела с вами поговорить…

– И о чем же?

– Станислав Евгеньевич, согласитесь, это ужасно несправедливо! ВЫ – умный, красивый сильный молодой человек – и находитесь в таком положении. А ваша сестрица, хотя ничем не лучше вас…

– Не продолжайте. Я понял. Именно об этом?

– О да. Я хотела не только поговорить, но и предложить вам путь к исправлению этой несправедливости. А это ведь именно так! Эта ситуация – ужасная ошибка. И оскорбление для вас. Вы достойны намного большего, чем быть просто мелким лисом на посылках! И вы это знаете…

Голос завораживал. Это был не вампирский голос, но подчинял он ничуть не хуже. И Славка понимал, что не в силах бросить трубку. Что многое действительно так и обстоит, как говорит незнакомка. Это ведь неправильно! Он старше Юли! Умнее! Опытнее! И должен подчиняться каким-то тварям, которые бросаются в огонь и в воду по первому движению ее пальца?!

Отвратительная несправедливость! Вот именно!

Славка был неправ. И где-то в глубине души осознавал это. Знал, что многое из случившегося с ним справедливо. И если бы не Юля, все окончилось бы гораздо хуже. Но… как говорили раньше, грех сладок, а человек падок. И падать тоже – сладко.

Славка не стал исключением. Он прокашлялся – и солидно сказал в трубку:

– Что ж. Я не против обсудить эту ситуацию более подробно. Где и когда?

– Я найду вас на днях, – прощебетала трубка. – Надо не вызвать подозрений ни у кого из заинтересованных лиц. Проверьте, нет ли за вами слежки. А я позвоню вам завтра, примерно в это же время. Можно?

– Звоните, – разрешил Славка, бросая взгляд на календарь. В это время дня он был полностью свободен. Вот ближе к вечеру… незнакомка почти идеально подгадала время. А может, и гадать не пришлось. Но над этим Славка не задумывался. Он попрощался и положил трубку.

Можно сказать многое.

И каждый имеет право на свою точку зрения. Для кого-то Славка был бы не предателем, а жертвой сложившихся обстоятельств. Но это – ранее…

А сейчас – сейчас он отлично понимал, что звонок не несет ничего хорошего его сестре. Даже наоборот. Иначе не стала бы женщина так таиться. Не стала бы звонить с телефона с антиопределителем номера. Не стала бы говорить о

слежке.

Славка на миг подумал о смешной девочке, которую оставил уже почти десять лет назад.

Стоило бы ей позвонить?

Да – или нет?

Сейчас звучит нередко, так же, как и тогда: «Ты бы пошел с ним в разведку? Нет – или да?!»

Иногда поэты говорят вернее всех. Славка знал, что на этот раз все серьезно. Догадывался, что может подставить и сестру, и Мечислава, и своих деда и мать… но звонить никуда не стал.

Представил жесткие Юлины глаза. Представил лицо деда. И покачал головой.

Тогда он ушел под влиянием эмоций. Сейчас остановился вполне осознанно.

Предательство? Почему это – предательство?! А то, как они поступили со мной? Это – справедливо?! То, как они поступили с Кларой!

Совесть еще немного погрызла Станислава, но быстро отступилась. А Станислав привычно успокоил себя.

Они первые предали меня! Первые отреклись! Они сами начали! Они сами во всем виноваты…

Пусть они получат по заслугам!

Он так никуда и не позвонил.

* * *

– Поезд номер брмбнямб прибывает на путь барамбанямба… – прокурлыкал динамик.

Как мама смогла разобрать хоть что-то из этой тарабарщины? Как вообще хоть кто-то может это понять?! Специально они, что ли, подбирают дикторов без зубов?

– А то! Конечно, специально! Кругом враги! И вообще, Юлька, хватит возмущаться. Пошли встречать Томушку! Наконец-то сможешь познакомиться со своими родными…

Я фыркнула. По мне – и сто лет прожить бы без этого важного знакомства! Не слишком-то я тосковала по тетушке с дядюшкой. И тем более по их противным чадушкам!

Такое наивное родительское убеждение, что если они с кем-то дружат, то и их дети должны дружить с детьми тех товарищей.

Ага, щаззз! Шесть разззз!!!

Терпеть не могу подобную постановку вопроса. Даже в детстве вопль мамы или бабушки: «Юля! Катя (Тома, Миша, Света, Петя…) ребенок из приличной семьи! Мы его (ее) родителей сто лет знаем! Вы обязательно подружитесь!» вызывал у меня только здоровое недоумение.

Ну и что, что из приличной семьи? Половина маньяков происходит из приличных семей! А вторая – из чуть менее

приличных. Но тоже очень неплохих. И что с того, что они знают родителей сто лет! Да хоть двести! Я-то тут при чем?! Лично я никого не знаю! И знать особо не желаю! Захочу пообщаться или подружиться – как-нибудь сама разберусь с кем и когда! А уж *обязательно* подружиться…

Что, если бабушка обожала сплетничать с теть Норой (Элеонора Викторовна, вы можете звать меня просто – Но́ра), то я обязана дружить с ее гнусным сыночком?! Да после его визита мне хотелось выпить средство от глистов! Потому что милый мальчик почти постоянно, простите, чесал попу! Или ковырял в носу! Это в шесть лет! И в шестнадцать он лучше не стал! Разве что поменял ориентацию и теперь вместо зада – чешет перёд! А вместо носа – ковыряет что-то в затылке. Вшей, что ли?

Или внучка теть Лены! Которая двух слов связать не могла. По мнению бабушки – от застенчивости. А по моему мнению – потому что она никаких слов, кроме матерных, и не знала. А их… нет, не стеснялась. Теть Лена запретила произносить такие слова, чтобы бабушка с ней не разругалась вдрызг. А то занимать не у кого будет до зарплаты.

Ей-ей, очаровательное существо!

Поэтому и сейчас я фыркнула. Что Лешку, что Лельку я почти не помнила. Но если они пошли в папочку – лучше бы им сразу удавиться!

Поезд остановился. И мы оказались почти напротив нужного вагона. До дверей было метров пять.

Люди хлынули наружу. Но из нужного нам вагона никто не показывался.

Мы переглянулись с мамой. Подошли поближе. И внимательно поглядели на дверь.

Из вагона доносилось какое-то подозрительное хрюканье, перемежаемое чем-то вроде «мать… мать… МАТЬ!!!»

Мы с мамой переглянулись. Говорят, мысли сходятся у дураков. Что ж, тогда мы – две дуры. Потому что было у нас твердое подозрение, что это – ОНИ…

– Мам, они свиней не выращивают? – уточнила я трагическим шепотом.

– Вроде бы нет. Не деревня же?

В голосе у мамы слышалось отчетливое сомнение. А я вспомнила объявление, прочитанное на рынке: «*Отдам в хорошие руки мини-пигов. Жрут все. Размножаются с рекордной скоростью. Умные, добрые, ласковые… СВИНЬИ!!!*»

Хрюканье усилилось. И наконец, из вагона показалось… нечто.

Было оно подозрительно коричневого цвета, странных форм и огромных размеров. Я невольно отступила. Пригляделась еще раз…

Коричневое чудовище, наконец, сползло на перрон, сказало «БУМФ», и стало видно, что это – чемодан. Еще допотопных и довоенных времен. Знаете, были тогда такие здоровущие, бесформенные, на колесиках и таких размеров, что можно слона утрамбовать. Вот это оно и было. А подозри-

тельная форма и размеры были из-за того, что замки толком не застегивались. И чемодан… нет, не так, ЧЕМОДАН, был во многих местах обвязан чем придется. Веревками. Ремнями. Поясками и даже капроновыми колготками.

Неужели не проще купить нормальный чемодан? Парочку? Или хотя бы «сумки челнока»?

Вслед за чемоданом из вагона вылетел… вылетело…

Мужчины, по классификации одной милой дамы, делятся на три категории. «Мачо». «Чмо». И «Мам, чо?». Вот вылетевшее за чемоданом на перрон создание по этой классификации относилось к категории «Чмо». Причем – давно и уверенно.

– Вася? – удивилась рядом мама.

Я сглотнула. Вася был… господи, как теть Тома на ЭТО позарилась? Раньше он, видимо, был не лучше, но ребенку все взрослые кажутся крупнее, чем на самом деле. Сейчас же…

На перроне стоял плюгавец средних размеров. Отчетливо проявившаяся лысина была замаскирована прической типа «хоть один, да волосок…». Розовая рубашка навыпуск не скрывала, а скорее подчеркивала объемное брюшко. На ней виднелись несколько пятен, из которых можно было заключить, что в меню плюгавца присутствовали яйца и помидоры. Жеваные брюки также несли на себе отпечатки пищевых продуктов. Сверху все это великолепие прикрывал пиджак серого цвета в мелкую крапинку или, как раньше говорили, с

продрисью. Товарищ обвел взглядом перрон и безошибочно остановился на нас с мамой.

– Алечка!!! – вскричал он, бросая свое допотопное чудовище и раскрывая объятия. – Как я рад тебя видеть! Ты совсем не изменилась!

Мама желания обниматься не проявила. И даже спряталась за меня.

– Вася?

– Разумеется!

Плюгавец все-таки шагнул вперед и попытался облапать маму, но я полностью перекрыла дорогу, невзначай наступила ему на ногу и подпрыгнула для верности. Мужчина шарахнулся, а я улыбнулась ласково-ласково, как голодная кобра.

– Дядя Вася!!! Это – ВЫ?! – заверещала я так, что проходящая мимо бабуся с кошелкой шарахнулась, перекрестилась и пробормотала «свят-свят-свят»… – Ой! А мне мама так много о вас рассказывала! И как дядя Петя вас медведками травил! И как вы их потом всей кафедрой травили! И как вас послали гулять с детьми, а вы нас повели на луг, но забыли, что там гуляли коровы, и вляпались в лепешку, а Славка вас потом отмывал в речке, и вы туда упустили сандалию! И вам пришлось прыгать обратно на одной ноге, а на вторую приспособить лопух!!!

Васисуалий шарахнулся в сторону. Оно и понятно, ультразвук я выдала тот еще. А нечего тут на мою мать руки

раскрывать.

– А еще вы напились, на мамин день рождения, как хрюшка, и с утра вас разыскали в свином корыте! После этого дед вас и прозвал Лоханкиным!

– Не было такого! – возмутился Васисуалий.

– Правда? – расстроилась я. – Ну, может, и не в свином… я могла и забыть… может, это было обычное корыто. Но остальное-то точно было?

– Аля, добрый день.

Сказано было сильно. Пока я гоняла Васисуалия, на перрон спустилась вся остальная семейка. А вслед за ними волной хлынули ни в чем не повинные пассажиры. Похоже, компания заранее готовилась к выходу и так плотно перекрыла проход, что никто не прошел.

Ё-моё!

Первой мыслью при взгляде на теть Тому было: «Пара Петра Первого». Знаете тот похабный монумент? Творение Церетели? Ну вот. Увидев теть Тому, сей «гений» тут же решил бы наваять с нее монумент «Екатерина Великая». Теть Тома за эти годы ничуть не уменьшилась в размерах. Даже наоборот. Там, где раньше были пышные формы, нынче распирали ткань те же формы, но раза в три объемнее. За ней стояла ее более молодая копия – я догадалась, что это Леля. И еще одна копия. Только мужского рода. Надо полагать, Леша. Все не в папочку пошли, на людей хоть внешне похожи. Оба габаритные, прыщеватые, надутые и чем-то весьма

недовольные. Сестрица с откровенной завистью косится на мой костюмчик (выбрано Мечиславом), а братец полирует мне взглядом коленки. Эх, где-то Шарль? Ну да ладно. Сама справлюсь. После вампиров я таких могу десятками глотать, не разжевывая.

– Добрый день, Тома, – всхлипнула мама.

– Добрый день, Аля. Давно не виделись.

Сестрицы обнялись.

– Добрый день, тетушка, – кисло поздоровалась я, не проявляя желания повиснуть у родственницы на шее.

Тамара оглядела меня и явно осталась недовольна осмотром. Взаимно.

– А это, надо полагать, Юля? Вся в отца…

Я сверкнула глазами.

– Вообще-то я копия деда. Факт.

Мама на мои слова внимания не обратила. Тетушка тоже. Зато вмешалось *оно*.

– А Константин Савельевич нас встречать не пришел? – плеснула яда двоюродная сестрица. – Оно и понятно, в его-то возрасте…

– Да, дед весь в работе, – поддакнула я. – Он говорит, что с возрастом начинаешь особенно ценить время. И не тратишь его на всякие пустяки.

Последнее слово я подчеркнула голосом, давая понять, КТО тут является пустяками. Сестрица надулась, но с ответом не нашлась.

– Пойдемте, – опомнилась от радостной встречи мама.

Теть Тома выпустила ее из медвежьих объятий – и я тут же подхватила маму под руку. Вовремя. Она уже, по-родственному, вознамерилась помочь с чемоданом. Еще не хватало! Она у меня не бабушка, но и не девочка. Еще спину потянет, лечи потом!

Нет уж! Пусть сами разбираются со своими бебехами.

– Нас тут машина ждет, – проинформировала я. – Мам, пойдем. Надо сказать, чтобы Глеб мотор заводил. А вы догоняйте!

– Юля! – зашипела на меня мама. Но я только безмятежно улыбнулась.

– Мам, не смеши меня! На шпильках тебе только *чумоданы* таскать!

С этим было сложно спорить. Мама сверкнула на меня глазами и сдалась. Позади веселое семейство волокло чемодан, с кучей кульков и свертков.

– Юля, нельзя себя так вести!

Я по-прежнему улыбалась.

– Мама, я их сюда не приглашала. И не рада приезду. Поэтому вести себя буду, как хочу. Ага?

– Юлька! Уши надеру!

– Не надерешь.

– Это еще почему?

– Ты меня слишком любишь и уважаешь. Да и не догонишь – на шпильках-то!

Глеб безмятежно сидел в своем «Тагере» и читал какой-то триллер. Я постучала по стеклу.

– Кончай грузиться, сейчас ОНО придет!

– Юлька, отлично выглядишь! – невесть откуда появившийся Леонид хлопнул меня по плечу.

– Ленька! – взвизгнула я, повисая у него на шее и от души болтая ногами. – Какими судьбами?!

Оборотень фыркнул.

– Юля, ну ты уж вовсе логику потеряла. Сколько у вас гостей?

– Четверо.

– Плюс вы двое. Плюс багаж. «Тагер» – машинка хорошая, но пятерых на заднее сиденье там все равно не утрамбуешь.

Я зловредно ухмыльнулась.

– А теть Тому можно в багажник. С *чумоданом*.

Леонид покачал головой.

– Не поместится.

Я обернулась. Семейство уверенно догоняло нас. Тома волокла чемодан, Васисуалий и дети – остальные свертки и пакеты.

– А если утрамбовать?

– Даже если сверху попрыгать. Так что они поедут в «Тагере». А вы с мамой – со мной.

– Лучше они с тобой, а мы с Глебом, – решила я. – Пусть яйца будут не в одной корзине.

– Простите, а вы – кто? – вмешалась мама, которая до того

стояла тихо и наблюдала всю картину.

– Ох, простите великодушно, я не представился. Леонид Сергеевич. Давний Юлин знакомый. А по совместительству начальник вот этого охламона, – небрежный кивок в сторону Глеба. – Я ему позвонил, узнал, что вы собираетесь делать – и решил прийти на помощь.

– Алина Михайловна, – улыбнулась мама. – Очень приятно.

– Взаимно. Никогда не думал, что у Юлии такая молодая мать. Но теперь я вижу, от кого она унаследовала свое очарование.

Оборотень виртуозно исполнил полупоклон, подхватил мамину ручку и поцеловал. Мама осторожно извлекла руку из его пальцев и щелкнула оборотня по лбу.

– Сударь, вы льстец. Но мне приятно.

Я незаметно показала оборотню кулак. Дождешься ты у меня воспитательных пинков! В глазах близко подошедшей Тамары мелькнуло любопытство.

– Аля, а это твой друг?

Мама хлопнула ресницами.

– Нет. Тома, ты же знаешь, я замужем. А Леонид – старый знакомый Юли.

– А выглядит как твой знакомый. И что – ты расписалась со своим стариком?

– Тома!

– Тётя!

Мы возмутились в один голос. Никому не позволено задевать мою семью! Зарою – и место забуду!

Умнее всех оказался Леонид.

– Тамара Михайловна, а вы, разумеется, сестра Алины Михайловны? Рад познакомиться. Вы с мужем, наверное, поедете со мной. А ваши дети и Алина Михайловна с Юлей – с Глебом. Не возражаете?

Глеб подхватил чемодан и закинул в багажник «Тагера». Леонид, цепко придерживая славное семейство за локти, вел их к своей «Сонате». Я запихнула маму на переднее сиденье «Тагера» – и перевела дух, глядя на двоюродных родственничков.

– Чего стоим? Кантуйтесь сами, не калеки!

Леша сверкнул на меня глазами и полез в джип. Треснулся головой о крышу, что не улучшило ему настроения – и демонстративно отодвинулся к окну. Я поглядела на сестрицу.

– Твоя очередь.

– Я не хочу сидеть посередине и с раздвинутыми ногами!

Я скорчила рожицу.

– А ты потренируйся. В семейной жизни все пригодится.

– Именно, – Глеб подхватил Лелю за талию – и запихнул в машину. – Юлия Евгеньевна, прошу вас…

Я оперлась на подставленную руку оборотня – и впорхнула в дверцу машины. Уметь надо.

А эти негодяи умеют ставить спектакли.

В машине Леля попыталась что-то вякнуть, но Глеб так

рванул с места, что ее впечатало в спинку сиденья. Леша приник к окну. Я расслабилась и наслаждалась ездой. Оборотни вообще часто гоняют по улицам как угорелые. Но это как раз не страшно. С их реакцией – авария им не грозит. Самой, что ли, научиться? Ладно. Потом как-нибудь. Я и хотела бы, но разве с этими вампирами хоть чем-то полезным займешься? Они не кровососы! Они времясосы!

– Поосторожнее, – попросила мама.

Я положила ей руку на плечо.

– Мам, не волнуйся. Глеб круче любого Шумахера.

– Правда?

– Чистая, – отозвался оборотень.

Леша и Леля сопели в две дырочки.

Через пятнадцать минут машина остановилась в моем родном дворе. Глеб помог спуститься мне и маме, выгрузил чемодан и вопросительно поглядел на нее.

– Куда это чудовище?

– Тащите к нам домой, – решилась мама. – Вы знаете, куда?

– Знаю.

– Вот ключи. Спасибо вам.

– Не за что.

Во двор влетела Ленькина «Соната». Мама отвлеклась на нее, и я получила пару минут, чтобы переброситься словом с Глебом.

– Зайдешь потом?

– Не могу. Я теперь при твоей маме в охране.

– Ясненько. А давно?

– Вот как ты Мечиславу про ИПФ рассказала, так он и распорядился.

Я кивнула. Ругайся на вампира, не ругайся, а охрану к моим родным он приставил. Надо будет сказать спасибо.

Из «Сонаты» выгрузили Тамару с мужем, вышел Леонид, попрощался с мамой, подмигнул мне – и показал глазами на мой подъезд. Я чуть заметно покачала головой.

– Позвоню.

Кто-то мог бы и не услышать. Но не оборотень.

– Буду ждать, – проартикулировал он. Еще раз попрощался со всеми – и удрал. А Тамара выпрямилась посреди двора.

– Аля, а вы по-прежнему живете в этом клоповнике?

– Почему клоповнике? – обиделась я. – Хороший дом. Чисто, спокойно, детская площадка, зеленая зона, кодовые замки, магазины рядом… чего еще надо?

– Могли бы и за город переехать. Или денег не хватает дом построить?

Голос тетки, трубный и пронзительный, словно ввинчивался в небо. Я сморщила нос.

Вообще-то могли. Но!

Если жить за городом – то надо бросить дачу. А на это мы просто не могли пойти. Слишком дорог нам был этот кусочек земли. Слишком много с ним было связано всего хорошего.

– Тома, пойдем. Тебе еще вещи разбирать, – мама попыталась поменять тему, но куда там. Вышло еще хуже.

– Мы все у вас поместимся?

– Поместились бы. Но нас тут накануне залили…

– И что ты предлагаешь?

– Поселим Лелю и Лешу с Юлей. Им хватит одной комнаты на двоих?

– На троих!

– На двоих. У Юли своя квартира, так что молодежи там будет вольготнее.

– Аля, ты с ума сошла?! Покупать соплюшке квартиру?! Да это просто глупость! Дети должны жить с родителями! Под строгим контролем и присмотром! Она же начнет пить! Курить! Водить мужиков!

Хм-м…

Первое и второе – спорно. А что до мужиков… а Мечислав – считается?

– Пока не начала, – ангельским тоном вставила я.

– Аля, ты проявляешь поразительную безответственность! Это твой старикашка во всем виноват! У тебя тоже началось старческое слабоумие…

– А у вас и не прекращалось, – окрысилась я.

– Что? – Тамара развернулась ко мне. Я оскалилась.

– Что, еще и глухота, впридачу к глупости?

– Юля! – вскрикнула мама.

Я сверкнула глазами.

– Мама, гость должен уважать дом, в котором его приняли! А не вычитывать нотации и не оскорблять хозяина дома. Не нравится – не удерживаем. Пожалуйте в гостиницу. Если оттуда вас на второй день за неуплату не выкинут.

– Ах ты, наглая соплячка! – Тамара сделала шаг ко мне и попыталась схватить за руку.

Я уже прикинула, как вывернусь из захвата и добавлю ей по болевой точке, но помощь пришла неожиданно.

Глеб, отнеся чемодан, вернулся к машине. И сейчас он просто перехватил поднятую Татьянину руку и заломил ее за спину. Женщина согнулась и взвыла.

– В следующий раз я сломаю руку, – проинформировал оборотень, отшвыривая ногой Васисуалия, который бросился на помощь жене. Приподъездные бабушки на лавочке с упоением наблюдали за спектаклем.

– Глеб!!! – взвилась мама. – Прекратите немедленно!!!

– Простите. Не могу.

– Что?!

– Юлия Евгеньевна, вы не пострадали?

– Нет. Все в порядке, – я улыбнулась оборотню.

– Может, все-таки сломать ей руку?

– Она не злая. Просто дура. Я думаю, этого урока ей хватит.

– Юля, прекрати это немедленно! – топнула ногой мама. – Это твоя родная тетя!

– Я эту тетю сто лет не видела! И еще бы столько же не

глядела! – показала зубы я. До общения с вампирами я бы так себя не вела. Но сейчас… сейчас зверюга в моей душе скалила зубы, женщина со звериными глазами ухмылялась, а я осознавала, что НЕЛЬЗЯ позволять вытирать об себя ноги. Никак нельзя.

– Юля!

– Прости, мама. Я согласна принять ее у себя. Я даже селю на своей территории ее отпрысков. Но я НЕ СТАНУ терпеть ее высказывания в адрес моего деда и в твой адрес. Либо пусть смиряется, либо заткнется – и катится домой. Деньги она у тебя брать не брезгует!

– ЮЛЯ!!!

На этот раз в голосе мамы звучало отчаяние. А я жесткими глазами глядела на тетку.

– Я внятно выразилась?!

– Ты… ты просто малолетняя хамка, – резюмировал Васисуалий. На большее рядом с Глебом он не решался. Было видно, что оборотень и так едва сдерживается.

Я пожала плечами.

– Лучше быть мелкой хамкой, чем старым алкашом.

– Не оскорбляй моих родителей! – топнула ногой Лелька.

Я фыркнула.

– Но они оскорбляют МОИХ родителей. И мне это тоже не нравится. Короче! Вы не трогаете мою семью. Я – вашу. И сосуществуем на этих условиях. Есть вопросы? Если нет, я пошла к себе. Глеб, удачи. И терпения. Мам, не шипи, они

же тебя первую достанут до печенок.

Я развернулась и потопала в подъезд.

Дома было хорошо, тихо и спокойно. Шарль встретил меня у порога.

– Как дела, сестренка?

Я скорчила рожицу.

– Не слишком хорошие. А у тебя?

– А у меня отлично. Как нам – ожидать визита родственников?

– Увы, мой друг…

– Ну, не расстраивайся, не надо. Хочешь, я их уроню с балкона?

Я фыркнула.

– Хочу. Но пока не надо. Может, я их сама уроню.

Шарль обнял меня за плечи и притянул к себе.

– Ладно, не расстраивайся. Все будет хорошо.

– А я думала, что драконы – не провидцы.

– Но с математикой у нас все в порядке…

Выяснить, при чем тут математика, я не успела. Позади раздался гнусавый вопль:

– Я же говорила! Она обязательно будет мужиков водить!

Шарль зашипел сквозь зубы. Отпустил меня и выпрямился во весь рост.

– Позвольте представиться. Милославский. Александр Данилович. Юлин друг.

– Знаем мы таких друзей, – противным тоном начал Ва-

сисуалий.

– Откуда бы? – наивно удивилась я. – Алекс, ты же вроде у пивного ларька не прописывался?

– Я вообще не пью, – поморщился дракоша.

– Вот видите! Вы совершенно не могли с ним нигде столкнуться! – заключила я. Потом чмокнула Шарля в щечку. И подмигнула. – Зайка моя, сходи, купи пару надувных матрасов?

– Зачем? – удивился дракоша.

– Какое-то время с нами поживут мои двоюродные. Не будут же они на полу спать? Раскладушки – неудобные, да и хранить их негде. А матрасы еще пригодятся. Только выбирай потемнее цветом, ладно?

– Я знаю, что нам нужно, – заверил Шарль. Проверил телефон и кредитку, послал мне воздушный поцелуй – и просочился к лифту мимо ошалевших Тамары и Васисуалия.

Мама чуть улыбалась.

– Юля! Ты с ним ЖИВЕШЬ?! – возопила Тамара.

– Нет. Это он со мной живет, – поправила я. – Алекс мой хороший друг. А что?

– Я не допущу никакого… – Тамара хватала воздух ртом, как рыба стервлядь.

– Оголтелого разврата? Не волнуйтесь. Разврата не будет. Мы с Алексом найдем и время, и место. А что ваши дети до сих пор не знают, как люди размножаются? Вроде как анатомия сейчас в девятом классе проходится? Или они проходи-

ли мимо?

– Юля, придержи, наконец, язык, – возмутилась мама.

Я фыркнула.

– Ладно. Я им потом все расскажу. Приватно.

– Не волнуйся, Тома, ничего она рассказывать не будет, – успокоила мама свою сестрицу. М-да. Вот так и поверишь, что в семье не без урода.

– Ты уверена?

Я закатила глаза. Тяжелый случай в медицинской практике.

И удалилась на кухню, малодушно бросив гостиную на растерзание. Достала из холодильника копченый сыр и впилась зубами в палочку. Да, вот такие плебейские у меня вкусы! А не нравится – не лопайте! Самой мало!

В комнате шумели, гремели и что-то двигали, но хотя бы меня не трогали. И то хвала аллаху. Шарль вернулся с матрасами, отдал их маме – и удрал ко мне на кухню. Пакетик с сыром закончился подозрительно быстро – и мы перешли на колбасу.

Потом мама вызвала меня в коридор, погрозила пальцем – и выпихнула за дверь Тамару с Васисуалием в одной руке и изрядно похудевшим чемоданом в другой руке. Я подмигнула ей в ответ. Типа, не волнуйся. Все будет в порядке, спасибо зарядке.

И опять удрала на кухню. Наслаждаться колбасой и тишиной. Ненадолго.

Пока призраками совести на пороге не возникли Леля с Лешей.

– Сидим? Лопаем? А делиться? – открыл рот двоюродный братец.

– С делением – к простейшим[1], а у нас другие механизмы размножения, – огрызнулась я.

Ребята захлопали глазами. Я вздохнула.

– Значит так. На обед у нас борщ и макароны по-флотски. На ужин поджарю картошку. У меня как раз симпатичный кусок сала есть, шкварки будут – класс! Возражения есть?

– Есть, – тут же нашлась Леля. – Я веганка. А жареное на ночь – вредно.

– Тогда тебе точно можно колбасу, – отмахнулась я. – Ты же не думаешь, что в нее мясо добавляют?

– Зато как ароматизируют, – поддержал меня Шарль.

– Глупости, – фыркнула девчонка. – И вообще, если есть всякую дрянь – потолстеешь.

Я с сомнением перевела взгляд на свои кости. Безусловно, Леля права. Но она забыла вторую часть утверждения. А именно «если есть всякую дрянь и мало двигаться…». Потом посмотрела на Лелю. М-да. Копия своей матери в молодости. Монументальная фигура настоящей русской красавицы. Её много, да. Широкая кость, объемная высокая грудь, крепкие бедра, попа в два обхвата, но все это плотное и подтянутое.

---

[1] Господь заповедовал делиться, – сказала амеба – и поделилась пополам. – *Здесь и далее прим. авт.*

Не болтается и не лежит жировыми складочками. Просто она так сложена. И что теперь? Повеситься? Трижды ха!

Кстати, Леша был сложен примерно так же. Объемный, с широким костяком… такой крестьянин пропадает!

Рядом с ним Шарль с его худобой и тонкими, почти девичьими запястьями просто не смотрелся. Но я-то знала, где истинная мощь. Мощь ядовитой и смертельно опасной змеи. Спорить готова, даже сейчас, дома, в уюте и спокойствии, у дракоши где-нибудь припрятана пара ножей. Или хотя бы бритвенных лезвий – страшное оружие в умелых руках. Как Шарль признался мне однажды – ему проще умереть, чем попасть в рабство к вампирам второй раз. И я поверила.

– Ладно, и что ты предлагаешь? – поинтересовалась я у Лели.

Девушка запыхтела.

– Можно готовить и что-то без мяса.

– Можно, – согласилась я. – Твой брат – тоже вегетарианец?

– Нет. Это они с мамой дурью маются, – буркнул Леша.

Я улыбнулась. А потом встала и щедрым жестом распахнула дверцу одного из шкафчиков.

– Отлично. Значит, поступаем так. Мы втроем лопаем то, что приготовлю я. Леля, ты готовишь на себя сама. Здесь крупы и вермишель. Овощи и фрукты – в холодильнике. Кастрюли – внизу. Столовые приборы – в этом ящичке. Здесь – специи. Ваяй! Кухня в твоем распоряжении.

– Но… – попыталась вякнуть сестрица.

Я покачала головой.

– Леля, даже из долга гостеприимства ты не заставишь меня питаться одной травой. У меня весьма напряженный режим жизни. И я не стану наживать себе истощение. В конце концов, ты была у стоматолога?

– Д-да…

– Зубы свои видела?

– Да.

– Вот! Резцы! Клыки! Прямые коренные зубы! Если бы мы были созданы вегетарианцами, нам бы и прямых коренных зубов хватило, как у лошади.

– Глупости ты говоришь, – обиделась Леля. – А ты знаешь, что мясо переваривается в организме до десяти часов? И даже не переваривается, а разлагается. И отсюда возникают все гастриты, колиты и прочие болезни!

– Лель, – поморщилась я. О разложении как-то слушать не хотелось. И представлять его воочию – тоже. Особенно внутри себя. И за столом. – Главное – мера. И правильный режим питания. Если помнить об этой простой вещи – тебе не будут страшны никакие колиты. Если ты навернешь девять беляшей за раз, тебе понятно, будет плохо. А если ты съешь в день не больше пятидесяти граммов мяса – ничего страшного не произойдет. Между прочим, если на голодный желудок налупиться плюшками, даже самыми веганскими, что будет? Помрешь, факт, и без всякого мяса. А если на тот

же голодный желудок выпить куриного бульона – будет намного лучше. Раньше врачи даже прописывали куриный бульон и красное вино. А еще есть наука диетология. Чтоб ты знала, половина диет ограничивает растительную клетчатку. В силу того, что для ее переваривания нужен здоровый кишечник. А так – именно – бывает не всегда. Не веришь мне – читай учебники. Считаешь, что мясо плохо переваривается – лопай котлеты. Их уже так перемололи, что дальше некуда. Ясно?

Леля примолкла. Но потом нашлась.

– Но ни одна диета не советует на ночь – жареную картошку!

– Леля, – вздохнула я. – У меня самый пик активности – по ночам. Отсыпаюсь я во второй половине дня. И советую меня не беспокоить. Поэтому я как раз питаюсь правильно. Съем суп – и на бочок. Проснусь, слопаю картошку, подзаряжусь энергией – и вперед.

– Куда это – вперед? – удивился Леша.

Я покачала головой.

– Сие есть военная тайна.

А ведь надо Мечиславу позвонить, чтобы не явился ненароком. Ни к чему моим родственничкам такие сексуальные видения.

* * *

До вечера мы с Шарлем дожили с большим трудом. Ладно. Можно как-то поделить на четверых один санузел, благо тот – раздельный. И можно даже предоставить в распоряжение родственничков свой комп. Только пароль поставить на свои папки – и пусть играют. Или в инете висят. Создать вход для пользователя, обрезать права по самые плечи – и нормально. А самой – спать. Ночь была бурная, утро тоже, а поспать удалось всего-то часа четыре. А что еще этой ночью будет…

Я зажмурилась, припоминая самые выдающиеся моменты прошлой ночи.

Ага, щас!

Дадут мне предаваться приятным воспоминаниям, когда в доме – родственнички. Уже вытащили из-за шкафа папку с моими рисунками, и раздался вопль:

– Юлька, это чё – твое?!

Не знаю, говорила я или нет, но зверски не люблю слово «чё». Нет такого слова! И меня коробит это чёканье. Противно становится. Еще бы прибавили «в натуре» или «ваще».

Пришлось выдернуть из цепких Лелькиных ручек свои папки и провести разъяснительную работу.

– Это – мое. Трогать – запрещается. Телевизор – смотри. Комп – мучай. И отвалите. Спать хочу.

С этими словами я завалилась на кровать – и отключи-

лась.

Где-то посреди сна я почувствовала рядом Шарля, который обнял меня за плечи и ткнулся носом в волосы. Но не проснулась. Хорошо, когда есть такая грелка. Большая, родная и теплая.

* * *

А вечер пришел незаметно.

Я открыла глаза – и первое, что услышала – это матерщину.

– Я…!!! Его…!!! Сейчас…!!!

Не поняла? Это что еще за митинг в моем доме?

Шарля рядом не было. Я кое-как сползла с кровати, натянула халат и потопала в гостиную.

Аа-ааа-ааа-аааа…

Я-то думала. А это Лёша расстреливает какого-то монстрика и при этом комментирует процесс. Пфи! Леля сидит рядом и перелистывает какую-то книжку. Шарля нигде нет. Странно…

– Доброе утро? – вякнула я.

– Добрый вечер, – ядовито ответствовала сестрица.

– Хорошо, что добрый, – резюмировала я. – Господа, не могли бы вы выражать свои эмоции менее бурно? Я бы еще часок подремала… Минутку, а сколько времени?

Твою рыбу!

На часах было уже около девяти вечера. Я взвыла и схватилась за телефон. Хорошо хоть Шарль ответил сразу.

– Ты где?!

– Я в клубе. Ты проснулась?

– Да.

– Тогда одевайся и приезжай сюда. Мы тут с твоим вампиром сидим, размышляем о жизни…

Я перевела дух. Хвала аллаху, Мечислав сюда не явится. И не увидится с этой частью моей семейки. Я знаю, вампиры могут заставить человека забыть о чем угодно. Но – пока нельзя. Только не когда рядом бродит ИПФ…

– Хорошо. Скажи Славке – оденусь и приеду.

– Привет, любовь моя…

Голос Мечислава растекся вокруг сладким сиропом. Я задрожала и едва не выронила трубку. Нельзя же так, внезапно…

– П-привет…

– Я вышлю за тобой машину. Приезжай.

– Хорошо.

– Я буду тебя очень ждать… целую…

– И я т-тебя…

– До скорой встречи, пушистик.

Мечислав нажал на кнопку отбоя, а я так и осталась стоять дура дурой. Почему его голос оказал на меня такое воздействие? Странно! Раньше так не было… а сейчас я просто с ума схожу, стоит только услышать его голос…

– Юля?

Услышав голос двоюродной сестрицы, я осознала, что стою с телефоном в руке и глуповатым выражением на лице. Пришлось улыбнуться – и удрать в ванную. Оттуда я вышла проснувшейся, довольной и веселой. На кухне восхитительно пахло жареной картошкой со шкварками. Если кто не знает – при правильном приготовлении это почти пища богов. А еще с солеными огурчиками, маринованными грибочками и квашеной капустой – фантастика.

* * *

Как и пару дней назад, Мечислав сидел за столом и что-то писал. У меня появилось стойкое ощущение дежавю. Тем более что одет он был почти так же. Обычные джинсы, простенькая рубашка… пусть она и стоит дороже чугунного моста, но я-то в одежде не разбираюсь. И в упор не отличу «Версаче» от «Дольче и Габано».

– Привет, – произнесла я с порога.

Зеленые глаза взглянули на меня – и веселые слова сами замерли на губах. Какой же он все-таки красивый! Потрясающе красивый.

– Добрый вечер, Юленька. Иди ко мне…

Голос скользнул по моей коже теплым южным ветерком, прошелестел по комнате, оставляя после себя дурманящий запах акации – и заставил меня чуть пошатнуться.

– Раньше я относилась к тебе спокойнее…

– Это было раньше, девочка моя. Теперь, когда мы вместе… – Мечислав упруго, но в то же время и плавно, как огромный кот, поднялся из-за стола и медленно направился ко мне. – Теперь ты будешь намного острее реагировать на меня, а я на тебя. И это естественно…

– А я думала, что наоборот. Я буду более устойчивой к твоему обаянию.

– Нет. Если бы я пытался воздействовать на тебя своими силами, тогда да. Тогда ты бы защищалась. А то, что с тобой происходит сейчас – естественная реакция на любимого человека.

Черт бы побрал мой длинный язык!

– Во-первых, вампира. Во-вторых, не уверена, что я тебя люблю, – парировала я.

Мечислав чуть сдвинул брови. Никто бы не заметил, но я-то знала, что он недоволен. Откуда? Наверное, это Печати. Плюс пошатнувшаяся защита.

– Назови наши чувства, как пожелаешь. Важно не название, а факт. Я не смогу жить без тебя. Ты – без меня.

– Это всего лишь Печати.

– А ты – мелкая нахальная спорщица. И упрямая вредина.

Руки Мечислава обвились вокруг меня, заключая в теплый кокон и крепко прижимая к сильному телу.

– И тебе от меня никуда не деться, так?

– Именно так. А насчет Печатей мы еще поговорим.

– О чем?

– Я хотел бы…

– Поставить третью Печать? Я согласна. Когда?

Зеленые глаза расширились так, что Мечислав стал похож на эльфа.

– Юля, ты всерьез?

– Да. Нет. Не знаю! И какая тебе разница, если женщина согласна?

– Хм-мм… иди-ка ты сюда, женщина.

Вампир ловко подхватил меня на руки, сделал два шага и опустился на диван. Я оказалась у него на коленях – и тут же уткнулась кончиком носа в ямку между ключицами. Вдохнула его запах… голова чуть кружилась. Как же хорошо…

– Юля, ты точно не пожалеешь об этом?

Я пожала плечами

– Не знаю. Но что-то внутри говорит – я пожалею, если не потороплюсь.

– Вот как?

Мечислав сдвинул брови.

– Это предчувствие – или?..

– Я и сама пока не знаю. Шарль говорит, что пророчества – это не по нашей части.

– Драконы действительно не пророки. Но ты могла бы…

Я зажмурилась и замотала головой.

– Нет. Я тоже не могу. Я не знаю, что будет, как будет, но я чувствую, что нельзя, не надо медлить. Тем более что это

уже ничего не изменит. Жребий брошен, карты сданы.

Мечислав молчал, глядя на меня. И под его взглядом становилось неуютно.

– Что? Что не так?!

– Не знаю. Странно как-то…

Я фыркнула. Если бы я рассказала про Даниэля, про нашу последнюю встречу – он многое понял бы. Но я не хотела. Я и так слишком открываюсь вампиру. А это опасно. Не стоит забывать – я для него всего лишь инструмент. Пусть даже лучший, привычный, любимый, но любовь к молотку – и любовь к человеку это две большие разницы.

– И что тебе странного? Не даешь – странно. Все давали. Даешь – еще более странно. А почему вдруг? Обнаглели вы, Мечислав Николаевич!

Славка фыркнул. И вдруг крепко прижал меня к себе. Так, что чуть кости не хрустнули.

– Юля, ты неподражаема. Сегодня, если не возражаешь?

– Не возражаю. Можно даже сейчас, если у тебя нет других планов?

– Других – нету. Кстати, как у тебя дела дома? Как проходит родственный визит?

– Скорее бы этот кошмар прошел. Старших мама забрала к себе. А Лельку с Лешкой подселили ко мне. Славка, это кошмар!

– Шарль мне тоже жаловался.

– То есть ты и так все знаешь? А чего спрашивал?!

– Проявлял внимание, – признался вампир, хитро поблескивая зелеными глазами из-под ресниц.

– И понимание?

– И его тоже.

Я засмеялась.

– Слава, какой же ты все-таки…

– Милый? Обаятельный? Очаровательный? Белый и пушистый?

Я засмеялась. А потом потянулась, обняла своего вампира за шею – и первая прикоснулась поцелуем к его губам.

Что же со мной происходит? Я целую его – и теряю, теряю себя. Напрочь. И руки сами собой скользят под его расстегнутую (когда я успела?) рубашку, и все плывет вокруг, по коже бегут мурашки, а внизу живота начинает скапливаться знакомое томительное напряжение. Но и Мечислав не остается безразличным. Его руки путешествуют по моему телу, губы не отрываются от моего рта, а глаза горят бешеным зеленым пламенем…

– Моя…

И я забываю обо всем. Печать? Что это такое? ИПФ? Где это? Город? Я не знаю, о чем вы говорите. Весь мир заслоняют ярко-зеленые, без белка и зрачка, глаза – и я тону в них, беспомощно уплывая в море чувственного удовольствия…

Когда я пришла в себя, мы лежали на том же диванчике. Кожаная обивка была скользкой от пота. Одежда валялась на

полу. Мечислав был доволен, как котяра, налопавшийся сливок, а у меня чуть побаливал новый укус на бедре. На внутренней его стороне. Мечислав чуть увлекся. Но в тот момент я совершенно не возражала.

Да и сейчас тоже. Я просто лежала на вампире, распластавшись беспомощной тушкой.

– Как ты себя чувствуешь?

– Довольной по уши, – честно призналась я.

– И потной?

– И это тоже. Пойдем в душ?

– Я – пойду. А тебя если попросишь, могу отнести на руках.

– А если не попрошу?

– Тогда я тебя буду целовать, пока не попросишь.

Мечислав выполнил бы свою угрозу, но тут я вспомнила…

– Подожди!

– Да?

Вампир, уже потянувшийся губами к моей шее, приостановился и поднял бровь.

– Давай сначала покончим с делами.

– Я и предлагаю…

– Печать! Славка!

Мечислав вздохнул – и откинул голову на подлокотник.

– Именно сегодня?

– Да. Сейчас.

– Юля, это тяжело…

– И что?!

– Ты твердо уверена?

Уверена я не была. Но – надо!!! Видимо, это отразилось на моем лице. Больше Мечислав не возражал.

– Хорошо. Как пожелаешь…

– Я должна делать что-то специально? Говорить?

– Нет. Просто – доверься мне. И – откройся.

– Интересно, а чем мы последний час занимались? – съязвила я.

Мечислав рассмеялся. И вдруг перекатился с дивана на ковер. Это было проделано так быстро, что я даже не успела ойкнуть. И оказалась распятой на пушистом ковре под его телом.

– Именно этим.

В следующий миг вампир без предупреждения скользнул в меня – и я резко выдохнула. Проникновение было приятным, но неожиданным.

– И этим тоже. Юля, одно не мешает другому… иди за мной… доверься мне…

И я расслабилась. Что бы ни случилось… третья Печать свяжет наши души. И насильно такое не сделаешь. А как это делают? Не знаю. Остается только довериться и расслабиться.

Хотя… как тут расслабишься, когда этот вампир… ооооох, еще, пожалуйста, еще… и не смей останавливать-

ся…

То, что Мечислав творил с моим телом, не поддавалось никакому контролю. Я сходила с ума, рассыпалась на тысячу осколков, стонала и умоляла прекратить эту пытку, но вампир был неумолим. И в самый яркий, самый безумный момент я ощутила его клыки на своей шее. И провалилась – куда-то в водопад золотых искр…

…Чтобы открыть глаза на зеленой траве, среди одуванчиков, под ярким солнцем.

Мечислав лежал рядом со мной. И ему явно было хуже, чем мне. Глаза закрыты, лицо бледное, в углу рта – кровь, то ли моя, то ли его – неважно!

– Слава! – затеребила его я. – Очнись!

Но прошло не меньше трех минут, прежде чем я привела его в чувство. Наконец Мечислав коротко простонал и открыл глаза.

– Юля? Что это? Солнце?!

Изумление вампира было понятно. Ему уже полагалось сгореть. Или хотя бы прилично обуглиться. Но… это не то солнце, которое сияет над нами. Это солнце – всего лишь иллюзия, созданная для меня чем-то древним и невероятно могучим. Созданная, чтобы я не боялась. Хотя… разве можно испугаться родного дома?

Нельзя.

А это – мой дом.

– Это не солнце. Это – моя поляна. Ты уже бывал здесь. Вспомни!

Мечислав тряхнул головой, проясняя мысли.

– Но сейчас я не умираю. И мы не сражаемся с демоном, так?

Я кивнула.

– Так почему мы здесь?

– Не знаю. Но могу предположить, – честно ответила я. – Третья печать соединяет души. После смерти моя душа уйдет сюда. А твоя – нет. Поэтому, когда ты попытался соединить плюс и минус, нас закоротило. И выбросило сюда.

Мечислав сдвинул брови. Я невольно потянулась и разгладила их пальцем.

– Солнышко мое, зайчик, котик, пупсик… – Вампира аж повело от такого обращения. Небось, уже лет семьсот никто зайчиком не называл… – Не надо, не хмурься…

Не помогло.

– Это можно изменить?

Я только пожала плечами.

– Вряд ли. Я могу давать клятвы кому угодно, но после смерти буду принадлежать этому месту. И оно меня не отдаст и не отпустит.

Деревья согласно зашумели, словно подтверждая мои слова. Именно так. И не отдадим, и не отпустим. Еще чего не хватало! Много таких умных…

– И это никак нельзя обойти?

В следующий миг Мечислав зашипел и схватился за голову. Большая шишка, которой он только что получил по макушке, откатилась к моим ногам.

– Видимо, нет. Да я и не хочу это менять.

Я встала во весь рост, как была, обнаженная, оглядела поляну, улыбнулась самой симпатичной сосне, провела ногой по мягкой, словно шелковой траве, сорвала одуванчик – и он вдруг засверкал у меня в руках искрами солнечного зайчика. От неожиданности я разжала пальцы – и спустя секунду цветок оказался на том же месте.

– Видишь? Я здесь своя. Мне здесь хорошо. Спокойно, уютно… Это и есть источник моей силы. А ты хочешь, чтобы я отказалась от самой себя? Зачем? И что останется от меня после этого? Если мне вообще дадут уйти…

Ледяной порыв ветра хлестнул по лицу, словно мокрая тряпка, подтверждая – не дадут. И уйти, и отказаться… и вообще! Придержи язык, неблагодарная девчонка!

Мечислав тоже поднялся на ноги. Ему явно было неуютно здесь, но сдаваться он не собирался.

– Юля, наши души уже начали срастаться. И я это чувствую. Мы должны довести дело до конца. И у нас есть только один выход. Это место решительно тебя не отпустит?

– Нет.

– А меня оно примет?

* * *

Этого вечера Мечислав ожидал с нетерпением. Он сам бы себе не признался, но взгляд его поминутно обращался к часам. Уже прибыл Шарль и отправился с оборотнями в бильярдную. А Юли все еще не было. И Мечислав – ждал. И сам не мог понять – почему?

Казалось бы, у него есть и свои дела. И множество забот, сопровождающих пост Князя Города. И все же, все же… он чувствовал себя, как леопард перед прыжком.

Пружиной, туго свернутой в ожидании восхитительного мига.

Юля, Юля, Юленька, что же ты со мной делаешь?.. Что же со мной происходит? Почему я думаю о тебе, почему не могу перестать вспоминать тебя, твой голос, твою улыбку, твои руки, твои губы… почему ты стала моей второй половинкой?

Я знал много женщин. И если их выстроить в ряд – цепочка протянется на много тысяч километров. Но никто и никогда еще не становился для меня такой навязчивой идеей.

Что же в тебе такого?

Твоя сила?

Возможно. Но это всего лишь твоя сила. Как цвет волос или глаз. Сила формирует личность, это так. Но ты еще

слишком молода. На тебя твоя сила еще не оказала такого влияния, как на многих других. И все же…

Что в тебе такого притягательного?

Ты не настолько красива. Ты привлекательна, но не более. На таких, как ты, не задерживается мужской взгляд. Таких девушек не печатают на обложках журналов. Ты яркая, броская, но не более того. И даже это – только если ты сама пожелаешь. А ты не желаешь. Нет.

Твои джинсы, свитера, спортивные тапочки, небрежно связанные в хвост волосы – ты делаешь все, чтобы не выделяться из толпы. И мне это нравится.

Будь ты другой, я одел бы тебя в жемчуга и бриллианты. Видит бог, ты их достойна. Хотя они тебе просто не нужны. Вообще не нужны.

Ты красива, как всякая умная женщина. Неважно, в джинсах ты – или в платье, но стоит начать разговаривать с тобой, стоит тебе поглядеть на собеседника своими удивленными глазами – и он пропадает. Пропадает, потому что понимает – тебе действительно важно то, что он говорит. Он нужен тебе, интересен, ты внимательно слушаешь, ты сопереживаешь и сочувствуешь.

У тебя замечательный характер. Ты колючая, острая, едкая, но ты не злая и не подлая. За своих ты стоишь горой – до конца. И отстаиваешь их против всего мира. От тебя не приходится ждать удара в спину – только в лицо. И ты железно держишь данное слово. Ты очень порядочная –

внутренне. Хотя еще маленькая и глупая. Ну, так что же. Это проходит с возрастом.

И все же…

Я знал многих женщин. И красивее, и умнее, и сильнее. Но моим фамильяром стала именно ты. И вот – я тону. Беспомощно тону в твоих глазах, и не желаю сопротивляться. Я знаю, тебя тянет ко мне. Но ты даже не представляешь, насколько меня тянет к тебе. Как сильна тяга вампира к своему фамильяру. Это сродни наркотику. Это сладкое безумие. Но когда ты рядом, мне приходится держать себя в ежовых рукавицах, чтобы не притрагиваться к тебе ежеминутно, не смотреть на тебя, сдерживаться, чтобы ты даже не заподозрила моих чувств к тебе.

Я знаю, ты испугаешься и убежишь.

Я уверен в этом.

Ты умная и красивая девочка, но ты все еще жуткая трусиха. И очень не хочешь опять испытать боль потери. А жизнь вампира – это постоянная потеря. Потеря друзей, любимых, родных, близких… потеря всех, кого ты любил, ценил и уважал. Мимо тебя проплывают века – и с ними уходят все. Все люди. И даже нелюди. И иногда начинаешь мечтать о смерти.

И все же… почему меня так тянет к тебе?

Это не только тяга вампира к своему фамильяру. Я могу отличить одно от другого. И моя тяга к тебе сродни тому чувству, которое испытывает человек… да хотя бы к

любимой книге. Которая всегда стоит рядом, на полке, к которой тянется в трудную минуту рука. Она утешает и успокаивает – и даже если не читал ее годами, без нее все равно некомфортно…

Это – почти то же самое чувство. Мне плохо без тебя. Я сознаю, что в какой-то книге больше страниц, где-то богаче переплет, здесь лучше описаны эротические сцены, а вот тут шикарные рассуждения о жизни. Но рука тянется сама. И сознание не желает ничего слушать.

Просто это – МОЕ. И иначе тут никак не скажешь.

И ты – моя…

Скрипнула дверь, – и Мечислав понял – это ОНА.

Перехватило дыхание, внутри зародилось знакомое желание…

– Привет…

– Привет…

То, что случилось потом, выпало у вампира из памяти. Любовь с Юлей… именно любовь – это было сладкое безумие – или безумная сладость? Сладость ее губ, ее тела, ее крови, ее утомленное дыхание у его плеча и тихие стоны где-то рядом. Вся она – без прикрас и покровов.

Но когда Юля заговорила о третьей Печати, Мечислав насторожился. Это было серьезно. И – страшно. Пусть Юля и не провидица, но к ее предчувствиям Мечислав относился более чем серьезно. И поэтому не стал спорить. Даже если она передумает через неделю и начнет бегать от

него, посыпать главу пеплом и громогласно каяться – это все равно будет лучше, чем ничего. Пусть будет третья Печать.

Но Мечислав не ожидал того, что с ним произойдет. Он не мог и предположить, что выпадет из реальности. Да и никто не мог бы рассказать ему о таком. Юлины таланты пока еще только открывались. И сейчас они открылись с худшей стороны. Для вампира – худшей.

Когда он очнулся на той самой поляне, на которой побывал уже два раза, ему показалось сначала, что это просто кошмар. Без третьего раза он бы с удовольствием обошелся.

Но – нет.

Они с Юлей были именно там. Полностью обнаженные. И беспомощные.

Юля не испытывала никакого дискомфорта. Казалось, она наслаждается жизнью. Да так оно и было. Это было ЕЁ место. Не его.

А вот вампиру здесь было действительно плохо. Страшно. Тошно.

Это место давило его и скручивало. Почему?

И только ли его?

Нет. Шарлю тоже здесь очень не нравилось. Но сейчас – сейчас не было выбора.

Вампир отлично понимал, если он уйдет сейчас, он никогда не сможет быть вместе с Юлей. Третья Печать? Какое

там! Уцелеть бы! Еще не факт, что его отпустят. И ничем не наградят.

Это место ревниво и коварно, он осознавал это.

Юлю здесь любили. Его – терпели. Но почему?

Ответ пришел сам собой. Словно кто-то шепнул его на ухо вампиру.

Ты – мертвый. Нравится это тебе или нет, но это место – средоточие силы жизни. А твоя сила – сила смерти. Если встречаются плюс и минус, что возникает?

Взрыв.

Эта мысль очень не обрадовала вампира. И – помогла ему решиться.

Если Юля не окажется от этого места, значит, он должен стать здесь – своим. И будь что будет.

* * *

После слов Мечислава я просто застыла в шоке.

Вампир? И… и мой дом? Моя душа? Мое сердце?

Невозможно!

Разве?

Я чертыхнулась, понимая, что это – возможно. Только вот… что потребуют взамен от меня?

Прошелестел ветер. Теплая волна пробежала по коже. И я опустилась на колени.

– Пожалуйста.

Я не просила вслух. Зачем? Это не церковь, где хоть ори, хоть не ори. Здесь хватит и мысли. Это место… я вся прозрачна тут, как стеклянная. И мысли, и чувства…

Я знаю, что нам с Мечиславом надо перешагнуть на следующую ступень. Знаю, что это *необходимо*. И понимаю, что просто так нам этого сделать не дадут.

Но – как?

Старый шрам на запястье рвануло болью.

– Нужна кровь? Моя? Его? Ты же знаешь, я согласна…

Мечислав внезапно зашипел сквозь зубы.

– Что? – развернулась я к нему.

Вампир молча продемонстрировал свое запястье с небольшой раной. Словно ножом аккуратно надрезали.

– М-да. Значит – будем делать.

Я протянула руку навстречу вампиру. И Мечислав, словно так оно и должно быть, осторожно перехватил мое запястье – и прижал к своему.

– Кровь за кровь, жизнь за жизнь, мою душу – за твою душу…

Я и сама не поняла, что вызвало к жизни эти слова. Но они прозвучали. И я растерянно огляделась вокруг. Ветер взвился так, что застонали деревья. Яростно, торжествующе, весело…

От наших соединенных запястий расходилось тепло. Вверх, по руке, к голове, к сердцу… я застонала от нахлынувшего ощущения… казалось, все тело стало мягким и по-

датливым, как полурастаявшее масло, ноги сами собой подогнулись, и зеленый ковер с головками одуванчиков мягко принял меня.

Но и Мечислав чувствовал себя не лучше. Он опустился на колени рядом со мной.

– Юля… что это?

– Не знаю. Иди ко мне…

Это было то ли безумие, то ли ритуал… Мы не ласкали друг друга, нет. Мы просто сливались в жадном объятии, торопясь взять все, что возможно в этом месте, в этом времени, в этой фантазии, сходили с ума, кусались и царапались, как дикие животные – и смаковали каждую секунду, как самые изощренные сластолюбцы…

И когда ударило ослепительными звездами по глазам, когда волной пришло освобождение, я вдруг поняла – четвертой Печати уже не нужно. Она поставлена помимо нашего участия. Не нужны ритуалы. Ни к чему теперь обряды. Мы и так закрепили свой союз.

Навеки…

* * *

Когда я открыла глаза, надо мной был самый обычный потолок. Белый, с люстрой. И еще – лучшее лицо на свете. Лицо моего любимого человека. То есть вампира… а, не все ли равно?! Будь Мечислав хоть черт с рогами – теперь уже

поздно. Да не рога наставить, а разлюбить!

– Что это было? – слабым голосом поинтересовалась я.

Зеленые глаза были слегка ошалевшими.

– По-моему, это была любовь. И… третья Печать?

Я улыбнулась.

– Ошибаешься. Больше.

– Больше?

– Да. Тебя приняли как своего. И… наша связь полностью оформилась.

– А четвертая Печать?

– Подозреваю, что поставлено было все и сразу. Просто потому, что это место не признает полумер.

Мечислав на миг поежился.

– Мне все равно там немного страшно.

– Главное, что оно тебя не уничтожит. А страх – это пройдет.

– Надеюсь…

Мечислав осторожно перекатился на пол рядом со мной и вытянулся во весь рост. Я устроилась рядом, закинув на него ногу и положив голову на плечо. Мы молчали. Говорить особенно не хотелось.

А еще я поняла, в чем разница между мной и Мечиславом. В том лесу, в который мы попали… я была там родной, любимой и обожаемой дочерью. Он – приемным сыном. Вроде как и любовь, но не до конца, что ли, не такая… мне сейчас возразят, что и приемных детей больше родных любят… но

не в данном случае. Я – родная. Мечислав – приемный, вот и весь сказ. Ему помогут, поддержат, научат и покажут, но… любить так, как меня – не будут. И своим он там никогда не будет.

А может, и будет?

Никогда – это слишком страшное слово. Лишь бы у нас было время.

И именно с этой мыслью я вздрогнула. Словно кто-то прошелся по моей могиле.

* * *

Твари! Гнусные твари! Почему Он ничего не делает?! Почему молчит ИПФ?

Почему, почему, почему?!!!!

Катя металась по комнате. Этой ночью она еще не пила крови, но и голода не чувствовала.

Почему эта дрянь Леоверенская до сих пор жива?!

Что происходит?!

Тихо скрипнула дверь.

Она обернулась, на миг собравшись в пружину. КТО?! ЗАЧЕМ?! И тут же расслабилась.

– А, это ты?!

Мужчина сделал шаг. Другой. И с размаху залепил женщине оплеуху.

– Дура!!!

Некогда Катерина, а теперь молодая вампирша Анна отлетела к стене. Из разбитой губы засочилась кровь. Алая. Она у всех алая. Вампир ты, человек или оборотень.

Девушка вскинула руку к лицу.

– Ты с ума сошел?!

– Нет!!! Это ты ох…ела! Да как ты посмела звонить ИПФовцу?! Кретинка! Тварь тупая!!! Б…

Из уст вампира полились ругательства. Анна слушала его в полном шоке. Она не ожидала такой ярости. И не знала, что делать. Бежать?

Не получится.

Драться?

Он старше и сильнее. Проигравшей будет она. Однозначно.

Говорить?

Да ее просто не услышат!

Но наконец приступ бешенства у вампира закончился. Он взглянул на Анну, сжавшуюся в углу в комочек.

– Значит так. Ты нагадила, ты и исправлять будешь, – подвел он короткий итог.

– Да что я сделала не так?! Ты хотел уничтожить Мечислава?! Это наш шанс!!! ИПФ уничтожит его опору, а мы…

– Дура. Молчи!

Сильная рука сжала ее шею.

– Открой рот!

Анна дернулась, но мужчина был сильнее. И физически, и как вампир… и она почувствовала, как ее челюсти размыкаются. Мелькнула белая рука, полоснула по одному из ее клыков – и в рот ей закапала чужая кровь. Она попыталась отплеваться, но кое-что попало ей в горло. И она рефлекторно сглотнула. Она была молода. И тело еще не забыло человеческие привычки. А в следующий миг в ее глаза впились горящие алым огнем зрачки вампира.

– Кому ты звонила?

– Рокин. Константин Сергеевич, – против воли вымолвили ее губы.

– Ясно. Сейчас ты найдешь его – и убьешь. Пойдешь искать. Если не успеешь до рассвета, сгоришь на солнце. Ясно?

– Да, – выдохнула Анна.

Она не хотела этого убийства. Не желала. Но и выбора у нее не было. Кровь для вампиров – сила. А старший по крови имеет право отдавать приказы. Он сильнее. Она должна исполнить его приказ… Если только…

Вампир словно прочел ее мысли.

– Ты не скажешь никому ни единого слова. Ясно?

Анна кивнула.

– Я сам провожу тебя до дверей клуба. И – иди. Убей.

Они прошли по коридорам. Как на грех, им не встретилось никого. Ни вампиров, ни оборотней… Танцпол, бар, ресторан – и Анна оказалась на улице.

– Пока ты его не убьешь – не возвращайся. Это приказ, –

произнес мужчина. И толкнул ее вперед. В темноту.

Мелькали огни фонарей. Анна знала, куда идти. Знала. Не хотела – и шла вперед. Сейчас ее вела чужая воля. Вела практически на смерть…

Неужели ей предстоит умереть?!

Но я не хочу!!!

Анна глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться. В конце концов, она хороший математик! Она должна найти возможность подобраться к этому человеку. Для начала надо позвонить ему… А вот и телефон-автомат!

Дома у Рокина никто не отвечал. Сотовый тоже разрядился. Тогда – следующий пункт.

Но окна тоже были темными. Его еще нет дома? Это хорошо. У нее есть шанс застать ИПФовца врасплох. Но где его подождать? Снаружи или внутри?

А вот очень удобная лавочка…

Анна дошла до киоска и купила бутылку пива и пачку сигарет. Ну все. Теперь – она самая обычная деталь пейзажа. Пьяный подросток кого-то ждет на лавочке – что может быть обыденнее?

* * *

Константин Сергеевич Рокин как раз шел домой. Да, на часах почти полночь! И что?! Дежурство, между прочим, суточное! У него, как у полковника, двенадцатичасовое, но все

равно ему приходится нелегко. Побудь-ка начальником бригады, когда один в отпуске, два в больнице, а еще одна в декрете? Всего в бригаде шесть человек, так что даже на вызовы сейчас приходится ездить самому.

День выдался откровенно тяжелым. Два убийства – не танцы на лужайке. И оба в районе. Почему донесли в ИПФ? В одном случае человека просто загрызли. Погибшим оказался местный алкоголик. Но звериные укусы были налицо. Вот только обнаружили загрызенного далеко не сразу, а когда он успел изрядно завоняться.

Кто не нюхал трупов трехнедельной давности, лучше и не пытайтесь. Неаппетитно. И на колбаску вас еще неделю не потянет. Для Рокина этот труп был вовсе не первым. И даже не в первой сотне. Но кто сказал, что от этого можно перестать испытывать отвращение?

Укусы были налицо. Но оказались пустышкой.

Бродячих собак разводить вблизи деревни не надо! И засыпать в кустах рядом с помойкой. Кстати, и помойки тоже разводить не стоит! Тогда и жители целее будут.

Разобравшись с этой проблемой (а это серьезная проблема – стая под двадцать голов!) ИПФовцы отправились обратно. В минусе – четыре часа на дорогу и два часа там. А не успели доехать до города, как последовало второе задание. И опять в глухом селе, куда и автобусы-то не ходят! Даже по большим праздникам! Что там?

А слабая надежда на подрастающее поколение. Местный

поп жаловался, что в селе кто-то шкодит. Постоянно, непрерывно, неуловимо. И подозревал происки нечистой силы.

Рокин, соответственно понадеялся, что это не нечистая (вот делать ей больше нечего – мелко пакостить!) сила, а просто… бывает такое. Если у ребенка сильный экстрасенсорный дар, он часто проявляется именно в таких вещах. Дядя отвесил деточке подзатыльник – и пошел себе. А деточка ему вслед прошипела: «Чтоб тебе ноги переломать!» Он и переломал. На первой же кочке. Или на второй. В зависимости от силы воздействия. Бывает такое. Если ребенок обладает способностями. И поэтому надо проверять подобные сигналы. Забирать детей. И воспитывать в нужном ключе.

Ага, в нужном ключе! Больше надо детей воспитывать! Без ключей! С ремнями!!! На что способна компания из пяти шкодных подростков – страшно даже представить. Уж завести корову в церковь – это-то вообще мелочи. Спасибо, саму церковь не взорвали!

Вот что за работа? Он что – воспитатель в детской комнате?! Нет! А с другой стороны, а кто?! Кто бы все это разгреб, если на все село (одно название, что село – и то из-за церкви!) один участковый дед Савелий с берданкой довоенного года выпуска?! Так что четверо мальчишек и девчонка чувствовали себя очень неплохо. И шкодили в меру своей фантазии.

Пойманные и выпоротые, они, конечно, покаялись. И их на всякий случай даже проверили.

Ноль. Пустота. Сами по себе шкодничали. И хорошо. Будь у них еще и способности – они бы все село на рога поставили.

Нет, такой дар, как у Юлии, чрезвычайно редок. Но кучу мусора все равно просеивать приходится. Вдруг да блеснет жемчужное зерно.

Не блеснуло. И домой он возвращался злой и усталый. И пытался вспомнить, есть что-то в холодильнике – или проще зайти в круглосуточный супермаркет?

В магазин идти не хотелось. Но кушать хочется… даже жрать!!!

За тяжелыми раздумьями, Рокин и не заметил, как ему на спину из кустов метнулась быстрая хищная тень.

* * *

У Анны – Екатерины тоже не было выбора. Она хотела подождать ИПФовца возле дома, но – не получилось. То ли дом освятили, то ли что-то еще – ей тяжело было даже сидеть рядом на лавочке. Кружилась голова, накатывали приступы голода и ярости – она боялась себя выдать – и поэтому прохаживалась по тропинке, ведущей к дому от остановки.

Нужную фигуру она опознала сразу – и спряталась за кусты, растущие у мусорных баков. Анна знала – дичь вооружена и опасна, второй попытки у нее может и не быть. А жить хотелось. Очень.

А еще она ощущала усталость человека. Он явно думал о чем-то своем. И был не слишком внимателен.

Шаг. Еще один шаг…

И женщина решилась.

Она оттолкнулась от земли – и упала Рокину на спину. Вцепилась клыками сзади в шею, рванула когтями…

Мужчина не успевал оказать сопротивление. Она уже чувствовала солоноватый вкус крови во рту. Ощущала в своих руках биение его жизни… и сейчас, уже сейчас…

АУУУУУУУУУУ!!!!!

Дикий визг прорезал темноту ночи.

Не надо было елозить руками по шее ИПФовца. Не надо. Освященные предметы жгут вампиров не хуже каленого железа. И сейчас маленький крест на шее ИПФовца вспыхнул ярче магния. Обжигая, ослепляя, отгоняя…

Надолго бы это вампиршу не остановило. Она нашла бы, как добить врага. Но на крик уже отреагировали. Вспыхивали окна, высовывались люди – и Анна, зашипев, отступила в темноту. Убить – да. Но приказа умереть ей не отдавали. А Рокин может умереть и сам по себе. У него явно сильная кровопотеря, инфекция, если будет сепсис…

В медицине Анна разбиралась весьма слабо. Но полагала, что ИПФовец может и сам по себе подохнуть от полученных повреждений. Эх, надо было сразу сворачивать ему шею, а не пить кровь. Но она голодна, а было так вкусно…

Шаг. Еще шаг…

Она растаяла в темноте.

Рука болела. И нужна была еще кровь, чтобы залечить повреждение. Или хотя бы чуть ослабить его.

Анна мчалась по темному городу.

И остановилась, только когда перестала слышать крики за спиной. У какого-то гаражного кооператива.

Губы расплылись в хищной улыбке. Где есть гаражи – есть и припозднившиеся пьяные мужчины… Наверняка.

Но первой ее жертвой стал бомж.

Грязный, вонючий – Анне было все равно. Лишь бы напиться крови. И побольше, побольше…

Алая целебная жидкость помогала заживлять рану. И Анна, оторвавшись от полностью обескровленного бомжа, наконец смогла рассмотреть свой ожог.

Черт! Как неудачно!

Она умудрилась попасть по кресту (или что это было?!) ладонью. И теперь через ладонь шел уродливый рубец.

Надо будет это убрать. Только как?

Надо добраться до дома. Сейчас она уже способна это сделать. Хотя… еще один человек не помешает…

Женщина огляделась по сторонам. Ночь кончится еще не скоро. У нее есть время обследовать гаражи. И найти себе пропитание.

* * *

Под утро мы с Шарлем отправились домой.

– Юля, – наставлял меня Мечислав, – все очень серьезно. ИПФ – это не игрушки на лужайке. Я приставил к тебе охрану, но прошу тебя – будь взрослее. Не удирай от них, не разыгрывай и даже не старайся обнаружить. Так вы все целее будете.

Я послушно кивала.

– Твоих родных тоже охраняют. А тебе хорошо бы действительно уехать на недельку-другую…

Я пожала плечами.

– Это ничего не решит.

– Может, и так. А может и решить.

– Что?

– Пока об этом рано говорить, – Мечислав чуть сдвинул брови. Для вампира – случай небывалый. Наедине со мной он старается походить на человека. Но на людях – с тем же успехом можно добиться эмоций от мраморной статуи. Нет, вампир очарователен, он улыбается, искрится сексуальностью, не хуже бенгальского огня, смеется и меняет выражения лица… не хуже кукольника. Искренности там и на грош нету. А вот эта морщинка озадаченности была искренней. И я ее очень ценила. Но бежать и прятаться на неизвестный срок… есть ли смысл?

Нету.

На том и порешили.

* * *

Дома меня встретили родственники. Я не поняла, они что – спать так и не ложились?

Во всяком случае, когда мы с Шарлем открывали дверь, она внезапно распахнулась – и перед нами возникла Леля, облаченная в одну лишь трикотажную ночнушку со слониками. М-да.

Слоники были шикарные. Голубенькие и розовые. И Лёля тоже. Этакая валькирия. Только вот…

– А ты чего не спишь? – поинтересовалась я.

Лёля скорчила такую гримасу, что я чуть не забеспокоилась. Судя по глубоко трагическому выражению лица – у нее проблемы с пищеварением? С дороги, что ли? Посоветовать ей употребить внутрь полкило чернослива я не успела, потому что кузина закатила глаза:

– И ты еще спрашиваешь! Как у тебя только язык поворачивается?!

– Да он и не поворачивается, – отмахнулась я, снимая туфли. – Ты не обращала внимания? Язык в плоскости рта ходит сверху вниз и вправо – влево. Но не по кругу. Факт. И вокруг своей оси он не вертится.

Леля запнулась. Видимо, я сбила ее с настроя. Но потом

она опомнилась и завелась заново.

– Ты где-то пропадаешь! Уходишь ночью! Я уже звонила твоей матери! Я же за тебя волнуюсь!!!

– А мать что сказала? – резко спросила я.

– Неужели ты не понимаешь, что подобная безответственность…

Всё. Мое терпение сдохло, не родившись. Я кивнула Шарлю, который стоял с кислым выражением на лице. Мол, понаехали тут, как без вас хорошо было…

Дракоша мерзко улыбнулся, ухватил правдорубку за воротник и слегка тряхнул.

– Молчать! Отвечать на вопрос.

Леля ухнула и замолкла. Она бы продолжила, но стянутая рукой Шарля ночнушка намертво перекрыла ей доступ воздуха.

– Что сказала моя мать? – раздельно повторила я.

Шарль подержал кузину еще пару минут, пока та не начала задыхаться, и выпустил.

Леля свалилась на пол слоновьей кучкой и засипела, пытаясь загнать в легкие побольше кислорода.

Я потыкала ее ногой.

– Что сказала моя мать? Не слышу ответа. Алексу продолжить?

Леля сверкнула на меня глазами. Она явно была готова продолжить скандал, но у меня не было никакого настроения. Шарль состроил грозную гримасу.

– Ну?!

– Да не звонила я никуда! – дала задний ход родственница – С ума сошла, что ли?!

– А брат где?

Леля покосилась на дверь гостиной. Оттуда доносился громкий храп. Я ухмыльнулась. Ага. Оно и ясно. Заснуть под такое сопровождение нереально, спальню занять нельзя, вот она и взбесилась. Но это – их трудности.

– Если моя мать хоть на каплю из-за тебя побеспокоится – голову оторву, – коротко пообещала я. – Алекс, пошли спать?

Шарль кивнул.

– Чур, я первый в душ.

– Я уже там была. Так что я пошла спать. Присоединяйся.

– Разврат, – прошипела Леля.

– Завидуй молча, – отшила я.

А ведь это она еще Мечислава не видела.

* * *

– У вас все готово?

– Да. Через два дня…

– Отлично. Они не подведут?

– Не должны.

– До связи. Следующий сеанс завтра в это же время.

Вампир положил трубку и задумался. Время уходило. И

надо было делать решительный рывок. Но… получится ли?

Обязательно получится. Он – лучший. Он достоин быть Князем города. И все же… пару раз уже все повисало на краю.

Нет! Не стоит паниковать! Он должен справиться в этот раз. Уничтожить Мечислава. Выбить точки опоры из-под Юли. И она упадет к нему в руки. А вместе с ней – её сила. А где сила – там и власть. Все готово. Осталось действовать. И можно будет списать все разборки на ИПФ. Как они вовремя активизировались, эти… библией пришибленные!

Надо еще раз сесть и все проверить. Главное в его плане – согласованность.

* * *

Просторный зал. Сводчатые потолки, великолепная акустика, вентиляция, мозаичный пол…

Обагренный кровью. А к потолкам раз за разом взлетает страдальческий вопль. И стены дробят его и усиливают, заставляя палача жмуриться от удовольствия. Хорошая работа.

В центре зала стоит пыточный стол. Фактически – крестовина, положенная горизонтально. Пятиконечный крест, удобный, чтобы разводить руки и ноги пытаемого под нужным углом. Пластиковый, конечно. Раньше был металличе-

ский, но слишком быстро ржавел. Кровь, пот… а заказать такую игрушку из нержавки – хозяйка решила не рисковать. Да и незачем. Пластик ничуть не хуже.

Рядом – стол с хирургическими инструментами. Блестящие, начищенные…

На крестовине бьется нечто окровавленное и истерзанное до такой степени, что даже неясно – мужчина это или женщина. Но палач не собирается останавливаться.

Это женщина. Очаровательная, в алом платье, грива шикарных волос падает ей на плечи и черным шелком льется почти до земли… Тонкие черты лица светятся от удовольствия. Ей явно нравится ее труд.

И она собирается продолжать его еще очень, ОЧЕНЬ долго…

Вампиры – практически бессмертны. А вот боль они способны чувствовать. И это с ее точки зрения восхитительно.

Сзади щелкнула дверь.

Кто посмел прервать ее развлечения?! Ну, если это что-то неважное… но надо выслушать, она все-таки Княгиня…

– Госпожа, вы позволите?

Вампирша развернулась. Черные волосы разлетелись вокруг нее тяжелым плащом. Но слуга шарахнулся в сторону. На миг ему показалось, что это – змеи. И сейчас они вопьются ему в горло…

– Что тебе нужно?!

– Звонила ваша агентесса. Гризли. Она просила доложить,

что рыбка клюнула. Основная операция назначена через два дня.

– Отлично. Передайте ей, что в первую очередь должны быть уничтожены все Леоверенские. И в первую очередь – эта маленькая заносчивая сучка. Ясно?

– Да, госпожа.

– Пошел вон!

Оставшись в одиночестве – замученное тело не считаем, оно слишком радо передышке, Елизавета прошлась по комнате. Задумчиво облизнула кровь со скальпеля.

Все складывалось неплохо.

Ее шпионы держали все под контролем. Если никто ничего не напортачит, через пару дней у соседей будет новый князь. Вместо выскочки Мечислава. А еще через неделю она получит все его ресурсы. Право поединка еще никто не отменял. Это с Мечиславом она не могла справиться, а с этим ничтожеством…

Ха!

Особенно если уничтожить Леоверенскую… сучка!!!

Елизавета зашипела от ярости. Юлию Евгеньевну Леоверенскую она ненавидела чистой багровой ненавистью. Как только одна женщина может ненавидеть другую.

Менее удачливая соперница – более удачливую.

Елизавета не призналась бы в этом даже Господу Богу. Но!

Одним из мужчин, которые всегда смотрели на нее с брезгливостью, был Мечислав. На него не действовало ниче-

го. Ни обаяние, ни вампирские силы… вообще ничего. Наоборот, Елизавету какое-то время тянуло к нему. Если бы она знала, что такое любовь, она бы сказала, что была даже немного влюблена в Мечислава. Но…

Даже если бы любовь свалилась ей на голову, Елизавета не узнала бы это чувство. Вот ревность, зависть, чувство собственника – это ей было хорошо знакомо. И именно по ним прошелся острыми каблуками Мечислав. Ему не нужна была Елизавета. Вообще не нужна. Ни ее красота, от которой теряли голову и валялись у нее в ногах, и продавали и жизнь, и честь. Ни ее власть, которой могли позавидовать многие.

Мечислав всегда смотрел на нее, как на забавную зверушку. Забавную и смертельно ядовитую. Любопытство плюс омерзение. И – все. Уж это-то Елизавета могла понять.

Очаровать его не выходило. Подчинить или убить – тоже.

Впрочем, бывали и другие. И она бы смирилась с этим, рано или поздно. Были ведь вампиры, на которых не действовало ее обаяние…

Такие, как Даниэль.

Елизавета тряхнула шикарной гривой волос.

Настоящей ее болью, настоящей яростью оставался один и тот же мужчина.

Даниэль.

Она не любила его, нет. Тут было совсем другое.

Она не смогла его подчинить или сломать.

И это грызло хуже всякой кислоты.

Самой большой страстью Елизаветы была – ВЛАСТЬ. Истинная власть над телами и душами людей и нелюдей. Она наслаждалась своим положением княгини, наслаждалась своей силой, она могла в любой миг приказать своим птенцам что угодно. Убить, отравить, ограбить, отдаться… – неважно!

Важно было другое.

Никто не смел противостоять ей.

Да, были и те, кто сильнее. Но это Елизавета могла принять. Те же, кто слабее, становились песком под изящными каблучками ее туфелек. Песком, способным принять любую форму по ее желанию.

Не Даниэль.

Елизавета помнила, когда она впервые увидела этого художника, она едва не рассмеялась. И не такие ломались в опытных ручках. Ан нет!

Слабый, трусливый, иногда откровенно подловатый, этот вампир оказался неожиданно устойчивым к любому воздействию. На него не действовали пытки. Ни физические, ни психологические.

Его можно было превратить в кусок мяса, корчащегося и воющего от боли.

Его нельзя было подчинить.

То есть внешне он подчинялся охотно и старался не вызвать ее гнева, но только не там, где дело касалось его творчества. В единый миг на месте мягкой глины ей представала

стальная пружина.

И что самое обидное – этот мерзавец действительно был гением!

У Елизаветы до сих пор хранились несколько полотен, нарисованных им. Там была изображена – она. В длинном вечернем платье, обнаженная, в костюме для верховой езды, каких не носили уже несколько столетий… она была очаровательна!

Но почему, почему при взгляде на портреты всех охватывала такая гадливость?!

Глубоко внутри Елизавета знала ответ. И ненавидела его. Все было просто. Даниэль показывал ее такой, какая она есть на самом деле. Талант был сильнее вампира. Он боялся и трепетал от малейшего ее движения, а руки – руки творили. И под его кистью губы изгибались в жестокой ухмылке, в глазах зажигалась жажда крови, пальцы становились похожими на когти хищной птицы…

И вместо восхищения портрет вызывал лишь желание оттолкнуть его. Чтобы не дай бог с полотна не высунулась окровавленная рука.

Мерзко.

Елизавета выругалась.

Она отослала этого мерзавца к Андрэ, чтобы не убить. Она дошла тогда почти до предела. Подчинить Даниэля не получалось. Убить – тоже. Что же оставалось?

Временно избавиться от него.

Но кто же знал, что там закрутится такая каша?! Кто знал, что он встретит эту поганку?!

Юлия Евгеньевна Леоверенская.

Певучее имя вырвалось у вампирши змеиным шипением.

Она ненавидела эту девчонку. Ненавидела искренне, от всей души, ненавидела, как только одна женщина может ненавидеть другую. Менее удачливая соперница – более удачливую.

Да, Елизавета была красивее. Умнее. Она была бессмертна. Но – Даниэль встретил другую. И не просто встретил. Полюбил.

Это она знала от своих шпионов. И мало того, его любовь оказалась взаимна.

Эта девица настолько любила Даниэля, что после его смерти едва не умерла сама. А ее отношения с Мечиславом?!

Больше всего Елизавету злило, что она… ладно, не бегала, она вообще ни за кем не бегала, но она хотела этого вампира. Они были бы прекрасной парой. Умные, красивые, властные, жестокие… конечно, он правил бы всеми, а она контролировала бы и подсказывала. Но – Мечислав выбрал другую. Какую-то соплюху, которой он был даже отдаленно не нужен! Гадство!!!

Ну, ничего.

Скоро я с вами рассчитаюсь с лихвой.

И вы сильно пожалеете. Ты, Славочка, что предпочел мне – эту маленькую дрянь.

А ты, Юлечка, что осмелилась угрожать мне.

Я ничего не забыла. И – жду.

А на всякий случай можно и еще подстраховаться.

Елизавета несколько секунд поколебалась, но все-таки набрала номер телефона.

Не хотелось. Бешено не хотелось. Но – надо. Если кто-то и сможет, то только этот вампир…

Ответили далеко не сразу. Только после шестнадцатого гудка.

– Да?

– Добрый вечер, Палач.

– Добрый вечер, княгиня Елизавета.

Елизавета невольно поморщилась. Вроде бы и телефон с антиопределителем номера, и голос она старалась изменить, ан нет! Все равно ее узнали.

– У меня есть для вас заказ.

– Неужели?

– Да. Я бы хотела заказать Юлию Евгеньевну Леоверенскую.

– Фамильяра Мечислава? А что говорят на этот счет законы вампиров?

– Палач, ну не будьте букой. Законы… мы с вами знаем, что нет закона, который нельзя обойти, не так ли?

– Это верно. Но я подумаю. Возьмусь, если отдача не замучает.

– Вас?

– Кого угодно. Что-то вы, Лиза, не торопитесь вызвать Мечислава на поединок и решить все в честном бою. Из-за угла бьете…

Елизавета чуть не зашипела, но сдержалась чудовищным усилием воли.

– Мечислав оскорбил меня!

– Ага. Ладно. Я проедусь в его город. И посмотрю на эту Юлию. Если решу – позвоню и возьму заказ. Если нет – извините.

– Что вы, я полагаюсь на ваш разум…

Елизавета улыбнулась. Не отказал – и то хорошо.

Палач.

Одна из самых страшных сказок вампиров.

Убийца, для которого нет преград.

Он убивал уже не одну тысячу лет. Убивал вампиров, оборотней, фамильяров – кого угодно. Хотя брался не за все заказы. Мог взять деньги, мог отказаться. Мог просто приехать посмотреть. Мог…

Он мог – многое. И Совет не имел на него почти никакого влияния.

Палача боялись. А он просто убивал. Быстро и неотвратимо. Или медленно и мучительно – по его выбору.

Он был страшен.

Он был Палачом.

Елизавета понимала, что рискует. Но ненависть была сильнее всего на свете. Ей хотелось смерти наглой девчонки.

И она не верила, что все ее заговоры увенчаются успехом. А смерти Юли ей хотелось. Очень хотелось. И лучше – медленной и мучительной.

Палач был страшен. Но ненависть и неудовлетворенная злость были еще страшнее.

А значит – стоило рискнуть!

Елизавета очаровательно улыбнулась (если не видеть клыков, то вообще ангел) и вернулась к телу, распростертому на пыточном столе.

До рассвета еще много времени. Можно успеть еще поразвлечься.

Глава 3
Мы выбираем, нас выбирают…

Я проснулась первой. Шарль еще сопел в две дырочки, а я уже лежала и разглядывала потолок. Надо собираться в институт. Так что – в душ, Юленька, в душ…

Туда я и отправилась. Шарль еще спал, когда я уходила.

А из института меня встречал Леонид.

– Юленок, привет!

– Привет, – я чмокнула оборотня в щечку.

Хороший он все-таки. Хоть и тигра. Хоть и шеф по безопасности, то есть аналог человеческого ФСБ. Но я от него зла никогда не видела. И цели у нас общие – обеспечить всем своим людям безопасность. В том числе и тиграм. Отсюда и будем исходить.

– Как дела, как жизнь, как родные?

– Дела отлично, как обычно, на жизнь не жалуюсь, родные живы-здоровы. Что случилось?

– Я приехал за документами. И вами с Шарлем.

– Вот как? Зачем?

– Ну вы же решили пожениться, так?

Я хлопнула ресницами. То есть да, мы обсуждали такой вариант, но…

– Мечислав мне позвонил ночью и приказал.

– Что приказал?

– В рекордно короткие сроки обвенчать вас с Шарлем.

– Как обвенчать?

– Граждански. Юлька, не морочь мне голову! Я просто оговорился! Шарль при этом берет фамилию Леоверенский. Живете вы так и так вместе, проблем не будет. А то, что у вас братские отношения, будете знать только вы. И твой дед. Константину Савельевичу все полегче будет.

– Да он вроде бы не жалуется…

– И не пожалуется. Если чутье меня не обманывает, ему еще лет десять осталось. Но… ему же тяжело! Ты сама-то не видишь?!

Я опустила глаза. Свинья. Осознала и каюсь. Я так привыкла жить рядом с дедом, я настолько ощущала его каменной скалой, которую ничем не свернуть, что даже не подумала о его возрасте. А ведь за восемьдесят…

Твою рыбу!

– Вот-вот. А так он начнет воспитывать себе замену из Шарля. И все довольны. Мечиславу не надо взваливать на себя «Леотранс», тебе тоже…

– Да я и не потяну…

– Вот. А Шарль – потянет.

– Но он же ничего не знает, ни по экономике, ни по политике…

– Юля, не морочь мне голову! Меняются только обертки. А люди остаются одними и теми же. В них Шарль разбира-

ется хорошо…

– В вампирах…

– В людях – тоже. Ты хоть знаешь, что он прекрасный аналитик? Ему бы побольше практики, а мозги у него работают будь здоров! Вот практику он и получит в «Леотрансе». А если уж не будет справляться, там и Мечислав подключится.

Я вздохнула.

– Женить? Нельзя помиловать?

– Обсуди с вампиром.

Я пожала плечами.

– А с Шарлем ты это обсудил?

– Не я. Мечислав.

– И он согласился?

– А почему вампир должен быть против?

Действительно, а почему? В его-то жизни ничего не изменится. Да и в моей тоже. По сути, это просто бумажки. Пустые и неважные.

– Хорошо. Куда сейчас?

– В загс! Шарль нас там уже минут десять как ждет.

Я фыркнула.

– Ну, поехали… сват…

– Еще скажи, брат…

Я помрачнела.

– Лень, а как там Славка? Не знаешь?

Леонид пожал плечами.

– Валентин вроде как не жаловался. А что? Тебя что-то

беспокоит?

Я кивнула. Сама не знаю, почему.

– ИПФ. Если они решат взяться за меня, думаешь, им будет сложно вычислить Славку? Много ли в городе Леоверенских?

Леонид почесал кончик носа.

– Ладно. Что-нибудь придумаем.

– Только не убивай его.

– Я тебе кто – киллер?

– Ты намного страшнее.

– Это да. Это – есть. Но убивать я его не буду. Ты мне этого в жизни не простишь. Да и твоя семья…

Голос его чуть дрогнул. И я вдруг вцепилась в оборотня. Словно изнутри что-то толкнуло.

– Моя семья?! А какая тебе раз… посмотри мне в глаза!!!

– Чего?! – рыкнул оборотень. Но подчинился. А меня словно волной несло. И я явственно видела в его ауре чистые и насыщенные золотые и алые цвета. Цвета искренней любви.

– Лёня?!

Наверное, что-то связанное с тиграми, я получила от Мечислава. Потому что оборотень опустил глаза. А потом кивнул, заливаясь краской.

– Да. Но я этого не говорил.

И я, в полном ошалении, поняла, что Лёнька, старый друг и боевой товарищ… влюблен в мою мать?!

НЕ ВЕРЮ!!!

– А придется. Юль, я сам не хотел, – опустил голову оборотень.

Я схватилась за голову.

– Ты что – рехнулся?!

Оборотень опустил глаза.

– Нет, ты не рехнулся! Ты еще хуже! Ленька, моя мать старше тебя! Они с дедом прекрасная пара! И вообще, ты – оборотень!

– Не старше, – буркнул Леонид. – Мне пятьдесят два года.

Я заткнулась. Да. Возраст. А выглядит не старше тридцати.

– Юль, не ори на меня. Я хоть слово сказал? Хоть взгляд бросил?

– И не один, как я понимаю?

– Даже кошка может смотреть на короля!

– Ага, а кот – на королеву?! Леня, совесть поимей!

– Да имел я твою совесть!!! – рявкнул вдруг оборотень. И я заметила, что он машинально втягивает и выпускает когти. Явно нервничая и злясь. Но не испугалась. Я знала – Леонид не причинит мне никакого зла. И я сейчас была в своем праве. Как фамильяр Князя города. Как просто Юля Леоверенская. Как дочь своей матери!

Я имела право требовать ответа. И Ленька сдался.

– Юля, я не хотел. Оно как-то само получилось. Ты же знаешь, я обеспечивал твоим родным безопасность, еще ко-

гда твой братец только появился в городе…

– Знаю.

– Вот и… Но ты не думай. Она меня даже не видела. Мы даже не общались.

Я перевела дух. Тогда возможно, что Леонид любит не живого человека, а свою мечту. И какая разница, что у мечты – лицо моей матери? Чье-то же должно быть…

– Нет. Я ее действительно люблю. Но ты не злись. Я никогда ей об этом не скажу. Обещаю.

– Лень, она ведь действительно деда любит.

– Знаю. Поэтому и буду молчать. Я знаю, у меня нет шансов.

Я это тоже знала. И не злилась. Бывает. Любовь не разбирает, кого бить и куда. Стоит только вспомнить Даниэля.

Ладно.

– И что ты теперь собираешься делать?

– А я что-то делал до этого разговора?

– Леня, не финти!

Оборотень тряхнул головой.

– Юль, вот тебе мое последнее слово. Я собираюсь охранять. Тебя и твою мать. Твоего деда и Мечислава. Шарля и Валентина. Я это умею. А все остальное… да, мне будет больно. Не впервые. Перетерплю. Знаешь, говорят, что любовь проходит, если долго не обращать на нее внимания.

Я покачала головой.

Ага. Пораньте себя – и попробуйте не обращать внима-

ния! Получится?

То-то и оно. Больно же! Но… я верю Леониду. А потому…

– Поехали в загс? Нас уже там Шарль, небось, заждался?

Ленька бросил на меня благодарный взгляд – и тронул машину с места.

* * *

В загсе было тихо и пустынно. Шарль, Валентин и Надюшка ждали нас, сидя на удобном диванчике. Я заметила, что дракоша пришел в джинсах. Только белую рубашку надел.

– Ну, что ты, невеста, как из кислого теста, – Надюшка была настолько довольной, что мне захотелось стукнуть ее подсвечником. Или хотя бы табуреткой.

– Надя, – рыкнул Валентин.

– А что Надя?! Я что – крайняя?! Ясно же, что это – служебная необходимость. А у Юльки такое лицо, словно ей не бракосочетание предстоит, а поход в гастроэнтерологию на обследование.

Я фыркнула.

– Надя, от тебя будет когда-нибудь жизнь?

– Если только на Марсе. И вообще, ты на себя посмотри! Глаза не накрашены! На голове две собаки кость делили! А джинсы стирать бы пора!

Действительно, на коленке красовалось весьма неаккурат-

ное пятно. И где это я умудрилась?

– Дайте нам хотя бы пару минут привести себя в порядок, – попросила Надюшка. И утащила меня в туалет.

– Юлька, ты хоть умойся. Выглядишь – краше в гроб кладут! Что случилось?

Я вздохнула. И честно призналась:

– Надя, мне страшно!

– Вот как? Чего боимся?

– Самой себя.

Я честно, не приукрашивая, рассказала обо всех своих столкновениях с родственниками. Подруга слушала молча. Чесала нос. А потом вздохнула.

– Юль, а что тебя в этом пугает?

– Собственная реакция. Глупо так реагировать на дураков. И глупо на них злиться. Но мой внутренний зверь – он словно на дыбы встает каждый раз! И не позволяет мне промолчать. Или что-то еще… Надя, я могла бы натравить на них любого из оборотней. И не ощутила бы никакой вины. Плевать мне было – живы они или мертвы! Вообще плевать!!! И мне страшно! Так быть не должно…

Подруга закатила глаза.

– Юлька, а ты знаешь, что я не была дома с тех пор, как стала оборотнем?

– Вот как?

– Не знаешь. А, между прочим, зря. Ты слышала о третьем законе Ньютона?

– Мы влияем на мир, а он на нас. Действие равно противодействию?

– Именно! Ну, подумай сама! Неужели ты не изменилась за это время?! Даже я изменилась настолько, что мне страшно приезжать домой. Страшно видеть в дупель пьяного отца! Я просто боюсь, что не выдержу. Так легко перекинуться и перегрызть ему горло. И еще легче свести счеты с теми, кто когда-то меня оскорбил! Обидел! Просто разозлил! И мне тоже страшно! Думаешь, я не боюсь своего внутреннего зверя? А у тебя он пострашнее лисы, так?

Я вспомнила зверя с человеческими глазами – и смогла только кивнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.